

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Январь 2009 г.
№ 1(13)

В.К. АРСЕНЬЕВ

МАЭСТРО

• Евгений ВЕСНИК •
(с. 3)

ЖИВЫЕ МОЩИ... ЭССЕ

• Юрий КАБАНКОВ •
(с. 4-7)

МАСТЕРСКАЯ

• Владимир ТЫЦКИХ •
(с. 9-11)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

• Олег КОПЫТОВ •
(с. 16)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Фото Николая КОЛТОМОВА, г. Арсеньев.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

• Сергей БАРАБАШ •
(с. 22-23)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Вера АКСЁНОВА •
(с. 25)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Виктор ДЕБЕЛОВ •
(с. 26)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Олег ГОРШКОВ •
(с. 28)

Поёт зима – аукает...

За окном – январский вечер, очарованный беспечным кружением пушистых снежинок в зимнем вальсе. В домах – новогодние ели, увенчанные мерцающими звёздами и украшенные гирляндами из фонариков, разноцветными шарами и другими игрушками. Впереди – торжество Рождественской звезды, возвестившей, по преданию, о появлении на свет Иисуса Христа. И хочется думать непременно о возвышенном, говорить родным, близким и даже незнакомым людям хорошие слова.

Пусть доброе сбывается! О грустном вспоминать не станем...

В эти праздничные дни сердце ищет особенной встречи с величественным словом. Думаю, за примером далеко ходить не нужно. Разве можно не знать и не любить стихи Александра Пушкина?

*...Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Или проникновенные строки Есенина:

*...А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.*

Помните?

Знакомые с детства строки. Не чудо ли?

***

Новый год и Рождество!

У каждого свои воспоминания, связанные с зимними торжествами разных лет: кто-то из нас в прошлом стал свидетелем чудесного исцеления больного, во Христа уверовавшего, кто-то – двадцать лет назад в новогоднюю ночь познакомился со своей второй половиной, кто-то написал первые стихотворные строчки в альбом.

Именно в эти дни Светом праведности объединяет людей атмосфера трогательного благоговения перед Божественным, Небеса открываются для благодарящих и страждущих, и молитвы людские слушает сам Господь.

Сохраним этот Свет и для прочих дней.

***

Редколлегия рада первой в наступившем году встрече с новыми и постоянными авторами. Вновь и вновь мы благодарим наших читателей за доверие и корреспондентов – за присылаемые работы.

Перед вами январский номер «Литературного меридиана». Приятного чтения!

Владимир КОСТЫЛЕВ.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

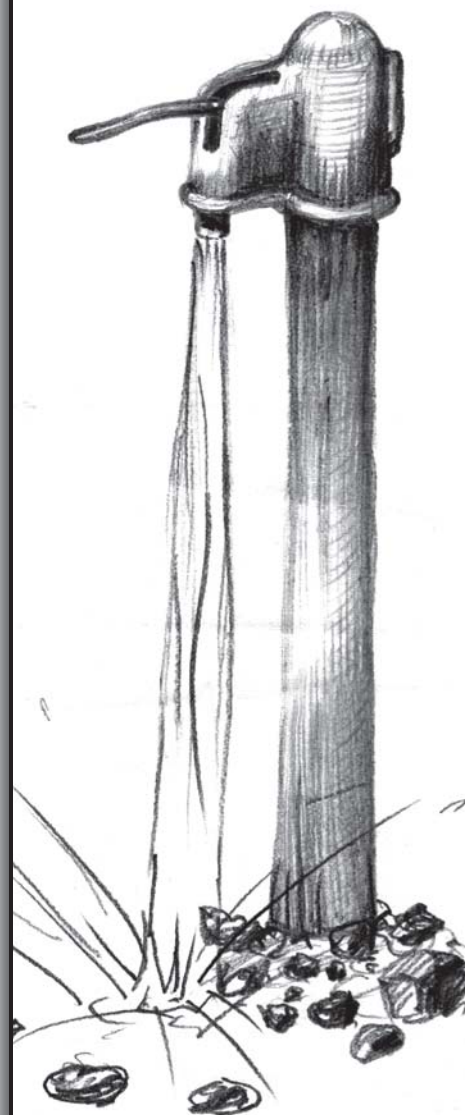

Рисунок
Натали ПАНЬКИНОЙ,
г. Арсеньев.

Поздравляем!

15 января добрый друг нашего издания народный артист СССР Евгений Весник отмечает День своего рождения.

Редколлегия, авторы и читатели «Литературного меридиана» поздравляют Евгения Яковлевича с торжеством и желают здоровья, долголетия, добрых встреч и начинаний.

Евгений ВЕСНИК,
г. Москва.

Мои ботинки в Лувре

Гастроли Малого театра СССР. 1963 г./

Караул! Чертовски жмут новые, купленные перед самым отъездом и не опробованные ботинки! Настроение сморщенное, прыть снижена, впечатление притупляется... Всё равно – что Париж, что Серпухов! Свет не мил! Какой же это свет, если ходить невозможно! Посмотрел на Венеру Милосскую и на богиню победы Нику. Ника Самофракийская поразила меня своей внутренней экспрессией, своей глубиной и мощью, а Венера Милосская оставила равнодушным. Склад моего характе-

ра заставляет меня оценивать произведения искусства и наслаждаться ими чувственным восприятием, пути же искусствоведческого или театроведческого, то есть теоретического восприятия, для меня почти исключены. Во-первых, в силу, очевидно, недостаточной образованности, и, во-вторых, в силу нервического склада характера! Надо было сделать так, чтобы тысячи читали не труды специалистов и слушали не рассказы знатоков, а тысячи писали о своих индивидуальных впечатлениях от произведений искусства. Это было бы очень интересно!

Мои «чудные» ботинки довели меня до короны Наполеона. И на этом всё кончилось! Больше двигаться я не мог! Попросил товарища купить на улице какую-нибудь обувь. Эту просьбу услышала старенькая смотрительница первого этажа музея, владевшая русским языком, и предложила мне старые музейные шлёпанцы, в которых я и дотопал до гостиницы. Спасибо, бабуся!

Через день, как было условлено, я вернул спасшие меня «волшебные сапоги» и подарил ей несколько русских сувениров. Она была на семьдесят седьмом небе, помолодела небес на семьдесят.

Триптих

А) Адриан Декурель (1821–1892), французский драматург: «Анекдот – это остроумие тех, у которых его не имеется».

В) Станислав Ежи Лец:

«Рассказывать анекдоты Господу Богу так, чтобы Он не угадывал КОНЦА – вот чем стоило бы гордиться».

(Сейчас такая мощная волна НОВОВЕРУЮЩИХ – от Президента до бывших коммунистических функционеров, – что Богу все «концы» знакомы. – Е.В.).

С) Янина Ипожорская (Польша):

«Рассказчику анекдотов нужна хорошая память и твёрдая вера в отсутствие памяти у других».

Триптих

А) Неизвестный американец.

(Большая книга афоризмов. Изд-во «Эксмо-Пресс». 2000 г., с. 270.)

«Если ты вдруг нашёл смысл жизни, самое время проконсультироваться у психиатра».

В) Зигмунд Фрейд (1856–1939), австрийский психиатр:

«Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или её ценностью, это значит, что он болен».

С) Достоевский Ф.М. (1821–1881 гг.):

«Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни».

Триптих

А) Фёдор Михайлович Достоевский, русский писатель:

«Честный человек не может угадать вполне вечного все-

общего идеала – будь он сам Шекспир – а следовательно, не может предписывать ни путей, ни цели искусства».

(РСДРП, ВКП(б) и КПСС столько предписывали путей и целей искусства! – Е.В.).

В) Ф.М. Достоевский: «Гадайте, желайте, доказывайте, подзывайте, за собой, – всё это позволительно. Но предписывать непозволительно; быть деспотом непозволительно».

(Замечательные слова Достоевского замечательно опровергают свод постановлений коммунистической партии по искусству: за время её господства унижению и уничтожению подверглись все истинно выдающиеся мастера высокой культуры! Буквально все (за малым исключением)! Поднимались же на щит те, которые помогали коммунистам создавать полифонический мир лжи и убийств. – Е.В.).

С) Сааведра Мигель де Сервантес (1547–1616), испанский писатель:

1. Самсон Карраско: «Людам, прославившимся своими дарованиями – великим поэтам, знаменитым историкам, – всегда или же большей частью завидуют те, которые с особым удовольствием и увлечением вершат суд над произведениями чужими, хотя сами не выдали в свет ни единого».

2. Дон Кихот: «Историков, которые не гнушаются ложью, должно сжигать – наравне с фальшивомонетчиками».

(В идеале именно эти тексты должны были бы быть содержанием постановлений коммунистической власти, а не позорные, заимствованные у сатаны. – Е.В.).

Живые мощи и мёртвые души православного атеизма

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток.

«Литературный меридиан» в новом году открывает новую рубрику. В ее названии, как нам кажется, отчетливо обозначен замысел редакции. Под этой рубрикой мы намерены публиковать материалы разных жанров – от аналитических статей до читательских писем, в которых речь идет о самом главном – о судьбе Родины.

Эссе Юрия Кабанкова посвящено первому по важности вопросу. Это вопрос смысла жизни и одновременно вопрос объединительного национального сознания. Это чрезвычайный для пишущего человека вопрос содержания и сверхзадачи творчества.

Слово Юрия Кабанкова требует от читателя сосредоточенной, большой работы ума. Такова проблема, которую он поднимает. Может быть, главная наша проблема сегодня – возвращение к истинной вере прадедов.

В конце июля 1852 года, в год смерти Н.В. Гоголя, увидела свет книга «рассказов из народной жизни» под названием «Записки охотника». Автором книги был молодой литератор, примыкавший к кружку В.Г. Белинского, ещё неименитый тогда Иван Тургенев, незадолго до этого «сосланный» в своё родовое поместье Спасское-Лутовиново за написание и опубликование статьи по поводу «безвременной кончины» Н.В. Гоголя. В статье автор в духе революционно-демократической идеологии, господствовавшей тогда в умах «прогрессивной» молодёжи, косвенно возлагает (как это было и в случаях с Пушкиным и Лермонтовым) некую вину за «трагическую смерть гениального художника» на самодержавную власть, а также на «опору кнута и угодницу деспотизма» (Белинский) Православную Церковь. Цесаревич Александр, будущий «Освободитель», писал 28 апреля 1852 года Николаю I, пребывающему в заграничном путешествии: «Арестование Тургенева за напечатание в Москве статьи о Гоголе наделало здесь много шума – я, как ты знаешь, до так называемых литераторов также не большой охотник, и потому нахожу, что урок, данный ему, и для других весьма здоров...».

Не будем сейчас говорить о действенности «урока» или же о том, насколько здоровы были едва проклюнувшиеся ростки нигилизма и диссидентства в неокрепших, но «ищущих правды» умах. Не станем распространяться о ереси – в широком понимании – «как рассудочной односторонности, утверждающей себя как всё» (П.Флоренский), то есть идеологии, неистово отстаивающей некие преимущественные права индивида в пику должностованию трезвого сознания ответственности и обязанностей части перед Целым. Отметим, однако, факт, имеющий непосредственное отношение к нашей теме.

В книге «Записки охотника», выпущенной в свет в 1852 году, отсутствовал рассказ, определяющий сокровенные ценности тургеневского сознания того времени. Этот рассказ, являющийся, по сути, апологией Православия, был

впервые опубликован лишь в 1874 году в литературном сборнике «Складчина», составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. Рассказ имел огромный успех – и в России, и в странах Европы. Л.Н. Толстой, тогда ещё не начавший «бодаться с дубом», то бишь с Православной Церковью, включил его почти без сокращений в свой, тогда ещё не изданный, «Круг чтения», содержащий избранные «мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». «И в России, и здесь, – писал из Парижа Тургенев П.В. Анненкову 4 апреля 1874 г. по поводу этого рассказа, – от разных лиц получил хвалебные заявления – а от Ж. Занд даже нечто такое, что и повторить страшно: «*Tous nous devons aller a l'ecole chez Vous*» («Мы все должны идти к Вам на выучку»).

Рассказ назывался «Живые мощи» и предварялся – в качестве эпиграфа – строчками Ф.И.Тютчева: «Край родной долготерпенья – край ты русского народа!». Ежели вспомнить, что в этом стихотворении говорится о том, что «Не поймёт и не заметит // Гордый взор иноплеменный, // Что сквозит и тайно светит // В красоте твоей смиренной», – стоило бы изумиться тому, что могла увидеть сполна эмансипированная Аврора Дюдеван (она же Жорж Санд) в смиренной красоте «Живых мощей».

«Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать – только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди жёлтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечных руки тоже бронзового цвета. Я глядявнуюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, – но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нём, по металлическим его щекам, я вижу – силится.... силится и не может расплыться улыбка».

Хотя – справедливости ради – вспомним, что чуть позже в своей речи о Пушкине И.С.Тургенев воспроизвёл такие слова Проспера Мериме: «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорблять правдоподобия, так и это, пожалуй, возьмут в придачу». Но всё это – повторимся – позже.

Покуда же – как ни странно, не до, а после выхода в свет «Записок охотника» – начинается «цензурная история». Ведь даже арест и «ссылка» автора в родовое имение не стала для цензора препятствием к дозволению выхода книги. Цензор «Записок» В.В.Львов книгу «не только пропустил, но с восторгом читал несколько отрывков в кругу близких друзей».

В.В.Львов был старинным другом нашего первого в XIX веке философа западной ориентации, автора «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего» П.Я.Чаадаева, который походя отказывал своему отечеству не только в истории, но и в религии – по причине принятия Русью христианства из рук Византии, а не Рима. Как мы помним (ну хотя бы по фильму Андрея Тарковского «Зеркало», столь чтимому нашей передовой интеллигенцией), Пушкин, возражая Чаадаеву, писал 19 октября 1836 года (подлинник по-французски): «[...] и (положа руку на сердце) разве не находите Вы чего-то значительного в теперешнем положении России? [...] Я далеко не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Легко представить, что Львов читал Чаадаеву ещё не изданные «Записки охотника», и кто знает, что ощущал Чаадаев, через два с половиной года читая тютчевский отзыв на крымскую агрессию столь милого его сердцу Запада: «...Ложь воплотилась в булат; // Каким-то Божьим попущеньем // Не целый мир, но целый ад // Тебе грозит ниспроверженьем... // Все богохульные умы, // Все богомерзкие народы // Со дна воздвиглись царства тьмы – // во имя света и свободы!» (курсив мой – Ю.К.) // [...] О, в этом испытанье строгом, // В последней, в роковой борьбе, // Не измени же ты себе // И оправдайся перед Богом...».

Задача, достойная нынешних времён, если вспомнить (вернее, не забывать!) бомбардировки православной Сербии, отторжение Косово и манипулирование православными – в своих истоках – Украиной и Грузией.

А тогда, в апреле 1852 года, цензор (страшное слово для нынешних подражателей Чаадаева!) мечтал о появлении произведений, способных «представлять современные вопросы в истинном свете их». Его привлекали сочинения оригинальные, которые написаны «русским языком, чистым, лёгким и правильным», в которых «русская жизнь, русские характеры, одним словом, всё русское являлось как практическое нравственное учение, почерпнутое из родных начал».

«Всё русское, почерпнутое из родных начал», конечно же, есть «православное», о чём цензор (!) не решается говорить напрямую, опасаясь «журналистской молвы», правившей бал в тогдашнем общественном мнении; опасаясь

прослыть ретроградом и пособником записного патриота российской словесности Фаддея Булгарина, донимавшего ещё Пушкина не хуже осенней мухи.

27 апреля 1852 года, за день до написания письма цесаревичем Александром императору Николаю I, И.С.Аксаков писал своему отцу о неблагоприятных толках, вызванных в правительственных кругах славянофильским (отнюдь не «революционно-демократическим») «Московским сборником», также пропущенным к изданию цензором Львовым, который «думал, что если достанется за что, так это за статью (И.С.Аксакова – Ю.К.) о Гоголе, и не потому, чтоб она в себе что-нибудь заключала, а потому, что она является в то время, как Тургенев сидит на гауптвахте, и [потому, что] так резко противоречит фельетону Булгарина, выражающему, конечно, правительственный взгляд на Гоголя».

Итак, всё сходится на Гоголе, который, оставив этот мир, становится вдруг «живее всех живых», который в «Духовном завещании» своём призывал: «Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник».

Никто не хочет прослыть разбойником, но дверь, указанная Христом, уже тогда представлялась просвещённому французским Просвещением уму не более, как нарисованной на стене – вроде театральной декорации: сколько ни стучи – никто не откроет.

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18. 6).

Соблазняющим в нашей ситуации оказывается не кто иной, как «неистовый» Виссарион Григорьевич Белинский, который в 1847 году, только что прочтя гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями», пишет ему из тогдашнего Зальцбрунна с такой неистовой, ослепляющей яростью, какую можно встретить разве что в так называемых «Философских тетрадах» В.И.Ленина, где будущий вождь революции, конспектируя немецких философов, делает такую, например, пометку на полях: «Боженьку пожалел, сволочь идеалистическая!!!»

Так вот, Белинский *остолбенело* пишет тому, кого ещё недавно собственноручно произвёл в родоначальники им самим выдуманной «натуральной школы», тому, кого подавал читающей публике как некий «образец и пример критики и обличительства»; это с его лёгкой руки пошла писать губерния о сумасшествии Н.В.Гоголя:

«...Или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться, или – не смею досказать моей мысли... Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских (? – Ю.К.) нравов – что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь – это я ещё понимаю: она всегда была опорой кнута и угодицей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение (внимание! – Ю.К.) свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением (курсив Белинского – Ю.К.) людей, пока

не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. [...] Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого (XVIII-го, напомним – Ю.К.) века (курсив мой – Ю.К.). И вот почему какой-нибудь Вольтер [...] больше сын Христа (! – Ю.К.), плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? А ведь всё это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...» (курсив мой – Ю.К.)

В том и беда, что такая перевёрнутая оптика становится нормой мировосприятия для всякого гимназиста или студента, что это не новость и для тридцатилетнего Ивана Тургенева, уже написавшего вчерне «Живые мощи» и отложившего рукопись в долгий ящик – неровён час, заподозрят в патриотизме булгаринского склада, а то и в «обскурантизме и мракобесии»!

В сопроводительном письме И.С.Тургенева к Я.П.Полонскому от 25 января 1874 года, напечатанном в «Складчине» в качестве предисловия и автокомментария к рассказу «Живые мощи», говорится: «Всех их (рассказов – Ю.К.) напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки оказались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит (курсив мой – Ю.К.); другие – потому, что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу (? – Ю.К.). К числу последних принадлежит и набросок “Живые мощи”, где уже, заметим, содержалось то, что мы можем по праву назвать апологией Православия.

« – А то я молитвы читаю, – продолжала, отдохнув немного, Лукерья. – Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чём я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест – значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать (подчёркнуто мною – Ю.К.). Прочту «Отче наш», «Богородицу», акафист «Всем скорбящим» – да и опять полёживаю себе безо всякой думочки. И ничего!»

Замечательное русское восклицание «ничего!», которое, по преданию, заставило Бисмарка сомневаться в целесообразности любого «Drang nach Osten». Это когда после его визита в Петербург на его кибитку среди российских снегов напали волки, и русский возница, истово погоняя лошадей, приговаривал, повторяя это странное, ничего не означающее русское слово «nitchevo!»: «Ничего, барин, ничего!»

Это восклицание, содержащее в себе надежду на заступничество Свыше, веру в Промысел Божий, в сознании православного человека означало, в конце концов, свою противоположность, то есть «всё», «кафолон»¹, некую полноту, Божественный Покров, омофор; это слово, переосмысленное мёртвой душой, сиречь новым, прогрессистским сознанием стало означать в линейной своей парадигме именно то, что оно для нас, нынешних, и означает: «nihil», «ничто».

С этим «ничто» Тургеневу предстоит столкнуться через несколько лет после выхода «Записок охотника». В образе Базарова вопрос о нигилизме будет поставлен, но, конеч-

но же, не разрешён. (Как иронически сказано по иному поводу современным поэтом: «Вопрос стоит, но не решается, // Вопрос решён, но не стоит» [Вл. Тыцких]). Как не будет он до конца разрешён ни – впоследствии – Н.С.Лесковым, скажем, в романе «На ножах», ни даже Ф.М. Достоевским в «Бесах» (романы пересекались в одних и те же номерах «Русского вестника» на протяжении всего 1871 года). Да и как он мог быть разрешён, когда «любовь – это форма, а моя собственная форма уже разлагается», – говорит, умирая, нигилист Базаров «холодной красавице» Одинцовой, которую, как ему представлялось, он «любил», а «формы» которой – «хоть сейчас в анатомический театр».

То, что «Бог есть любовь» (и уж никак не «форма мышления»), – уже тогда подвергалось жесточайшей обструкции (ряд значений латинского термина «obstructio» – помеха, преграда, закупорка).

«Православный атеизм» это, конечно же, прежде всего, желание русского человека «заставить Бога работать» – на себя, как Он «работает» на «христианском» Западе, как работает вода на водяной мельнице. Не служить этой Высшей, Абсолютной Ценности, а использовать Её для своих земных нужд и потребностей. Примерно так, как это выражено в одном стихотворении времён безоглядного энтузиазма наших первых пятилеток: «Человек сказал Днепру: // Я стеной тебя запру! // Будешь ты с вершины прыгать, // Будешь ты машины двигать!»

Парменид, помнится, говорил о том, что невозможно отрицать то, чего нет. Но, отрещиваясь от «ломового», писаревского нигилизма и приняв – напрямую – эстафету от «христолобивого» Белинского, русская интеллигенция начала XX века оказалась той закваской, без которой невозможны были бы обе революции, как невозможно было бы «утверждение в бытии» носителей нового нигилизма – большевиков.

Зинаида Гиппиус, вспоминая в Париже о посиделках в «Религиозно-философском обществе», приводит слова одного из докладчиков: «Силы церкви не неизвестны... Они слабы: широты замысла, веры низводящей Духа в них нет (здесь и далее пунктуация З.Гиппиус – Ю.К.). И самое главное – они в христианстве видят и понимают один только загробный идеал, оставляя весь круг общественных, земных интересов – пустым. Единственно, что они хранят как истину для земли, – это самодержавие... с которым сами не знают, что делать».

Подчёркнём ещё раз желание отвратить от Неба внутренний взор сотериологически настроенного сознания, желание видеть в Церкви некий райсобес, а не сообщество верующих, устремлённых к спасению, – и ныне живущих, и уже перешедших предел земного существования. Истинное призвание христианина заключается в исполнении заповедей, главной из которых является *двуединная заповедь любви к Богу и любви к ближнему (Мф., 22. 37-39; Мк., 12. 30-31; Лк., 10.27)*. «Православный атеизм» во все века стремится нарушить и разрушить заповеданное двуединство, то есть энергетическую вертикаль любви к Богу перевести в плоскость должествующей быть любви к ближнему. Результат всегда плачевен: горизонтальный вектор, лишённый Божественной энергии «не срабатывает». Потому-то Ф.М.Достоевский в предполагаемой ди-

¹ * Согласно целому (греч.)

лемме «Христос или истина» выбирает Христа, который и есть «Путь и Истина».

Вернёмся, однако, к Зинаиде Гиппиус как «типичному представителю православного атеизма»: «...деятели церкви больше, чем кому-либо, приходится быть свидетелями совершенного разорения народа. [Признаем, что] церковь не покидала народа в трудные времена. Но оставаясь сама безучастной к общественному спасению, она не могла дать народу ни Христовой надежды, ни радости, ни помощи в его тяжком недуге. Его бедствия она понимает, как посылаемые от Бога испытания, перед которыми приходится только *преклоняться (?)*» (вопрос и курсив мой – Ю.К.).

О том, что смирение есть качество опыта, нашего земного опыта, что оно есть призвание и возможность прочесть и воспроизвести, а не переиначить на свой индивидуальный лад Божественную партитуру, – обо всём этом предшественники нашего «нового нигилизма» как окончательно секуляризованного сознания – подозревать не желали. А кто и желал – опасался цензуры и обструкции со стороны братьев по разуму. Художественная интуиция молодого Ивана Тургенева воспроизвела то, что так хотелось – следуя «духу времени» – отвергнуть и переиначить рационализованному сознанию.

« – И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

– А что будешь делать? Лгать не хочу – сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась – ничего; иным ещё хуже бывает.

– Это каким же образом?

– А у иного пристанища нет! А иной – слепой или глухой! А [я], слава Богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землёю роется – я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречица в поле зацветёт или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? – многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошёл» (подчёркнуто мною – Ю.К.)

Вспомним: кто первым исповедал Иисуса Христом и Сыном Бога Живого? Не интеллектуалы-фарисеи, а неграмотный рыбак Симон, названный устами Спасителя

Петром (*Мф., 16. 13-19*): «И Я говорю тебе: ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и *врата ада не одолеют её*». ...А потому, что «*Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых*» (курсив мой – Ю.К.), и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (*1 Кор. 1. 27-29*).

За всяким отрицанием Бога стоит желание, чтобы Его не было (Тертуллиан). «Православный атеизм» – это застарелая ересь, идущая ещё от евангельских времён через гностицизм и арианство к «богословию», скажем, позднего Л.Н.Толстого и далее – к «оправданию зла» М.А.Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Это ересь, стремящаяся (в «лучшем» случае) представить Христа «как просто человека», не только имеющего личные грехи, но и даже (в «худшем» случае, как, например, в сугубо апокрифичном «Евангелии детства») способного творить зло. Сознание «православного атеиста» более склонно внимать мифам и апокрифам, нежели самой Благой Вести, поскольку она не даёт желаемого простора праздному человеческому любопытству, не даёт возможности оправдания собственного зла. Но главное, что раздражает интеллектуальные рецепторы умствующих и мудрствующих, – вопрос о смерти: о запредельном и вечном и потому неисчерпаемом посредством нашего тварного разума. «Услышавши о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (*Деян., 17. 32*).

Для того, чтобы вместить в себя невместимое, не обязательно быть богословом, философом или романистом – достаточно тишины и молитвенного одиночества, чтобы прислушаться и очнуться: «Но забыли мы, что осияно // Только Слово среди земных тревог, // И в Евангелии от Иоанна // Сказано, что Слово это – Бог. // Мы ему поставили пределом // Скучные пределы естества, // И, как пчёлы в улье опустелом, // Дурно пахнут мёртвые слова» (Н.Гумилёв).

И дабы не растекаться мыслью в скучных пределах нашего естества, вспомним о смертном исходе наших «героев»: одну смерть – как бесконечное мучительное падение «во тьму внешнюю», и другую – как заповеданный Христом переход в иной мир, в вечность, в то самое Царство Божие.

«Базарову уже не суждено было просытаться. К вечеру он впал в совершенное беспамятство, а на следующую день умер. Отец Алексей совершил над ним обряды религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалося, при виде священника в облачении, дымящегося каддила, свеч пред образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице».

«Несколько недель спустя я узнал, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и “после петровок”. Рассказывали, что в самый день кончины она всё слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять вёрст с лишком, и день был будничней. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шёл не от церкви, а “сверху”. Вероятно, она не посмела сказать: с неба».

27 (14) сентября 2008,
Воздвижение Честного и Животворящего
Креста Господня

Шрифты с засечками

Владимир КОСТЫЛЕВ,
г. Арсеньев.

Белые блокноты

Оправить перо спешу-поторапливаюсь. Прищурившись, липну взглядом к страницам, овысокомерившимся дальней родственностью с пергаментом [жалости, милости — микросекунда?].

Все предложения — со строчной. На три счёта. На — поцокивание языком. На едва заметный кивок, в понедельник оставшийся без ответа.

«Ах, если бы не тот ужин в китайском рестораничке, где смущение превзошло дерзостью все мыслимые границы — границы, в свою очередь оставшиеся без должного надзора разума. Ах... если... бы...»

Но именно там, в раскаленном июльском вечере, — ты окончательно стала моей. Моей — жизнью. Клянусь горечью в горле. Лепестками стихов, сволшебнувшихся в сердце.»

***

Все имена — чуть поодаль от отчества.

Всё — что было. [А было — что?] Не услышать — очень легко, но попробуй спросить! И ничего страшного в серьёзности прочувствованного. Во времени — скрывается неосмысленное, а о праведном — словами не взрослых людей говорится.

<Рваная «заумь». Маловразумительное словоблуждание.

Господи, ну зачем — всё именно так? Даже письма — по факсу.

По факту — палочка, палочка, крючок-завитушка. Детские "раскраски". Прописи-буквари. Но когда-то это должно было случиться — «омега» больше не имеет ни малейшего отношения к «альфе», в бегах.>

Это как нужно было осиротеть, чтобы быть? Наличествовать. Налицо. Обналичивать личное.

Циник?

***

Каляное сердце моё.

Взвешенно

Крючки-петельки событий. Вязь междометий. Жизнь — и не ерундовская штука (в общем-то), (оказывается). Травит себе деньки — с переменным успехом солнцем политые, а повлиять на скорость течения времени сердцемашине человеческой не под силу.

Истории (что называется) в деталях.

Около полуночи пришел дружок [детства] закадычный — Генка. Кепка набок, бутыл в кармане. Расхристанный весь, а по тротуарам — уже вторую неделю всю — ноябрь, как тать. Принёс дружан беду свою в платочке: с женой развёлся. Ох, колечки обручальные...

— Проходи, — скрип дверной перешептать умничаю, — на кухню.

Генка, бросая взгляды пронзительные, улыбку раздавить потужился. Моя вышла на голоса, нахмурилась, сказать что-то хотела. Сгрёб я хозяйку свою в охапку, унёс в спальню (Господи, всего лишь тоненький халатик! Тёплая, родная!).

Приглушил свет на кухоньке малогабаритной, только и места — беде и водке. Да двум мужикам пропащим.

«А завтра (между прочим) — на работу. И у тебя печень...» — пискнула совесть. Скотчем бы ей глотку ошарфить...

Опуская неприглядные подробности — пепел и окурки, разнозабористый алкоголь и всевозможные пьяные мужские «сопли-нюни», утверждать берусь: к пятичасию, рассвет венчающему, наиправейшей оказалась всё-таки совесть. Незванной за стол присела головная боль.

К семи утра договорились с дружком: всё к лучшему.

Проводить товарища сподобился. И проводил.

***

Полдень в мой офис сегодня, кажется, решил не заглядывать. Пробежал по краю циферблата и хоть на свист изойдись, да всё та же боль в голове. Хмурюсь и бросаю злость — на окружающих, в светлый огонёк контакта ICQ.

Злой.

***

И более: гарью — тризна.

Приходит усталость говорить в одну душу.

Лавро́вый лист – не ла́вровый венец

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток.

Заметки на полях статьи Любови Самойловой «Ложка дегтя».

То, что сегодня творится с русским языком, можно отнести к опаснейшему кризису, последствия которого трудно представить. Любое слово в защиту «великого и могучего» чрезвычайно своевременно и в высшей степени необходимо.

Естественно обращение «ЛитМ» к этой жизненно важной теме. Похвально усилие, которое прилагает в этом направлении Любовь Самойлова из г. Уссурийска («Поэтическая нива», ноябрь 2008). Такие материалы должны получить в литературном издании постоянную прописку. Я искренне разделяю общий пафос статьи Л. Самойловой и очень надеюсь, что из этой и других подобных публикаций наши читатели извлекут максимальную пользу. Именно поэтому, не споря с автором и не опровергая принципиальных тезисов статьи, хочу поразмышлять над отдельными положениями в общем-то бесспорной и (как будто) довольно простой темы.

Безусловно, подписываюсь под словами Любови Самойловой: «...не все хороши, даже прекрасные по содержанию стихи совершенны по форме. И это очень обидно!». Согласен со многими примерами, которые критик приводит для обоснования своих оценок. И все-таки...

Начнем с самого простого (вроде бы).

Автор относит к обязательным и безоговорочным достоинствам стихотворений отсутствие «*неправильных ударений, лишних или недостающих слогов в строчке*» и наличие «*рифмы там, где она должна быть*». Между тем это утверждение в равной степени верно и неверно.

Общего правила нет. Приятие или неприятие конкретного произведения зависит от всей совокупности многообразных (отдельный разговор!) свойств.

Первый вопрос применительно к рифме: кто определяет, где эта самая рифма «должна быть», а где «не должна»? И – какая? В русской поэзии несколько видов рифмы. Не будем останавливаться на них подробно, но принципиально следует отметить: здесь нет солидарного отношения всех читателей, всех критиков, всех поэтов, и разброс мнений весьма велик. Лично я бы не взял на себя смелость судить, какое мнение единственно правильное. Это вовсе не исключает самых бескомпромиссных оценок конкретных текстов, но в данном случае речь

не о них, а «в общем и целом» вопрос, по-моему, окончательного, на все времена, канона не имеет.

Очень интересна проблема «лишних или недостающих слогов в строчке». Легко найдем массу примеров, чтобы показать неоднозначность тезиса. Для вящей убедительности обратимся к творчеству самого Сергея Есенина.

В стихотворении «Не бродить, не мять в кустах багряных...» шесть катренов. В пяти из них первая строка содержит десять слогов. Но в третьем четверостишии – «Зерна глаз твоих осыпались, завяли...» – их почему-то двенадцать. На два больше! Едва ли великий русский поэт этого не заметил.

Можно ли сомневаться, что Сергей Александрович был способен найти подходящий вариант в десять строк?

Классическое, великое, всеми любимое есенинское «Не жалею, не зову, не плачу...» имеет пять строф. И только в одной (первой) третья строка на один слог длиннее: «Увяданья золотом охваченный...». Подогнать ее под единый формат не представляет сложности – «охваченный» запросто меняется на «охвачен». Почему поэт этого не сделал? И что любопытно: в многочисленных переложениях на музыку этот легко устранимый «избыток», как ни странно, сохраняется и поётся всеми исполнителями без обсуждения.

Стихотворения дают богатый материал и для анализа ударений. В есенинских строках немало несовпадений и вариаций, в наличии и анакрузы, и пиррихии. Экономя место и время, тему не развиваем, но рекомендуем заинтересованному читателю сделать это самостоятельно.

Находим у Любови Самойловой: «У Сергея Барабаша: «Что ты при`няла за развлечение, // Для меня было болью души»; «Но уже навсегда зарекаюсь // Милосты`ню, как нищий, просить». И автору не пришло в голову равное по смыслу «подаянье!»»

Для начала просто попробуем прочесть по-другому, синтонировать, иначе расставить ударения: «Что ты` приняла` за развлечение, // Для меня было болью души»; «Но уже навсегда зарекаюсь // Ми`лостыню, как нищий, просить». По-моему, вполне нормально получается, никаких мучительных трудов не требуется и никакого насилия ни над русским языком вообще, ни над поэтическим

ритмом в частности не происходит. А всё сразу становится на место. Так же, как, допустим, в есенинском «Черном человеке», где в слове «авантюрист» (пятая строфа) ударение просится на первый слог, что, в общем-то, можно без большого напряжения проигнорировать.

Прочтем по предложенному методу всю подборку Барабаша в «ЛитМ». Если у кого-то появятся непреодолимые трудности, прошу поделиться.

И пример от обратного: взглядом, которым смотрит на Барабаша Любовь Самойлова, посмотрим на есенинского «Пугачева». «Ох, как устал и как болит нога!.. // Ржет дорога в жуткое пространство, // Ты ли, ты ли, разбойный Чаган, // Приют дикарей и оборванцев?». «Разбо`йный» превратился в «раз`бойный», «приу`т» стал «при`ютом». Надеюсь, читать дальше нет надобности.

Обратимся к другим классикам. Михаил Исаковский, знаменитейшая «Катюша». Помните, как начинается? «Расцвели яблони и груши, // Поплыли туманы широко...». Тут в слове «поплы`ли» вообще без вариантов ударение стоит жестко неправильно – не на предпоследнем, а на последнем слоге. И – ничего. Весь мир поет песню более полувека.

Александр Трифонович Твардовский. Его творчество – эталон русского классического стихосложения. Но... Если не путаю, из поэмы «Страна Муравия»: «Земля! От влаги снеговой // Она еще свежа. // Она бродит сама собой // И дышит, как дежа». Надо: «бро`дит». Читается: «броди`т». И опять жестко, без вариантов.

В поэзии аналогичным примерам нет числа.

Откуда берутся эти «нескладухи»? Разумеется, они бывают следствием недостаточной грамотности или авторской глухоты (термин научный филологический, не медицинский). Иногда берут начало в местных диалектах, в большинстве своем, к сожалению, сегодня забытых. Есть региональные, профессиональные и многообразные прочие особенности произношения отдельных слов. Например, всеобщий «ко`мпас» у моряков звучит как «компа`с». У меня на родине говорили «вила`ми по воде», хотя орфографические словари признают единственно возможным «ви`лами». Вспомним знаменитую песню «Есть по Чуйскому тракту дорога...». Там Костя Снегирев – не шофёр, а шо`фер. Что делать с ним? Жду предложений...

Нередко все эти «штучки» применяются авторами сознательно. Образцовый по грамотности, абсолютно «правильный» текст, случается, просто вызывает снотворный эффект. Поэт «взьерошивает», даже «ломает» предписанную форму. Для передачи волнения, повышения эмоциональности (когда мы сильно огорчены, напуганы или безумно счастливы, следим ли за правильностью речи?). Для того,

чтобы уйти от ритмической монотонности... Конечно, этот путь не всякому по силам. Для начала нужен хоть какой-нибудь талант.

Некоторым поэтам присущ стиль, который наверняка был бы в прах раскритикован приверженцами незыблемых форм. Анастасия Ермакова отмечает в стихах замечательной москвички-дальневосточницы Василины Орловой «обаятельные ритмические сбои, звуковые спотыкания», не «гармоничную музыкальность», а «сбивчивое трудное говорение с частым обращением к разговорной речи, с ритмическими перебоями, усеченными и ассонансными рифмами, аллитерациями». У Орловой «длинные строки перемежаются короткими, дробятся на отдельные куски...». Все эти свойства критик отнюдь не относит к отрицательным, а считает достоинствами («Как будто вовсе мы не смертны». – «Литературная газета», 8-14 октября 2008).

Вопрос здесь, как и в любом ином разговоре о поэзии при попытках определить ее подлинность, заключается в чувстве меры, в гармоничности авторского художественного метода, в четком знании границы, которая разделяет поэзию и графоманские тексты.

Вернемся к Сергею Барабашу, вернее, к словам Любови Самойловой. Насчет того, что «автору не пришло в голову», позволю себе высказать сомнение. Может, как раз пришло. Но не захотел автор менять «милостыню» на «подаянье». Имел полное право. Восприятие слова индивидуально. Я бы предпочел вариант, выбранный Барабашом. Чем руководствовался Сергей Дмитриевич, не знаю, но мой слух определяет оттенки двух почти синонимов. Тут, не исключено, к месту вспомнить пушкинское: «и милость к падшим призывал». «Милостыня» – от того же корня, что и «милость». «Подаянью» сродно другое слово – «подать». Попробуем заменить (смыслово) «милость» на «подайте» в контексте пушкинской строки, что получится?

«Подаянье» (пусть едва уловимо) ассоциируется с чем-то более «материальным», «вещественным». В «милостыни» угадывается нечто «идеальное» – уже из разряда ощущений, чувств, что-то из жизни души, из области межчеловечьих отношений. Я понимаю, что это трудно, а то и невозможно объяснить, но полагаю, что есть люди, которым и объяснить не надо: они так же слышат слово.

Конечно, никто никого ни в чем не может убедить, поэтому придется довольствоваться общеизвестной аксиомой: у каждого автора свои читатели. В моем лице Барабаш находит такого читателя.

В «Ложке дегтя» (так называется статья) Любови Самойловой есть и мой пай. Критик пишет: «У Владимира Тыцких: «И нет героя в ла`вровом венце»? Неужели автор так и говорит: «ла`вровый лист»?

И не чувствует, что более принято: «лавровый венок», «терновый венец»?

Могу успокоить Л.Самойлову: я не говорю «ла`вровый лист» и чувствую, «что более принято». Но какое это имеет отношение к указанному стихотворению?

Очевидно, критик обращает мое внимание на: 1 – неверное ударение, 2 – неточное словоупотребление.

Сначала разберемся со смыслами слов. **Венок – сплетенные в кольцо листья, цветы... лавровый венок.** И все. Теперь – венец. В отличие от «венка» имеет несколько значений, я привожу те, которые нам нужны: **1. То же, что венок (устар.). Терновый в.** (также переносное: мученический... **3. Драгоценный головной убор, корона как символ власти монарха... 5. Ореол, светлый ободок вокруг небесного светила, вокруг головы на иконе.** Так в современных словарях (в т.ч. С.И. Ожегова).

Почему мне следовало предпочесть венок венцу? Односмысленным словом заменять слово глубокое, многообразное по содержанию, слово, за которым идут важные для стихотворения аллюзии и ассоциации?

Рискну обратить внимание коллег на тонкость проблемы. В фундаменте поэзии точность словоупотребления является первым краеугольным камнем. В идеале для образного выражения мысли всегда должно отыскиваться единственное слово – самое-самое. Но штука в том, что оно воспринимается людьми по-разному. В той же (замечательной!) строке Михаила Васильевича Исаковского, которую мы цитировали выше, при строго формальном подходе обнаруживается «ущербность», уже не совместимая с правом на существование. «Туманы широки». Если есть «широкие» туманы, значит, должны быть «узкие»! Любовь Самойлова вправе задать вопрос, говорим ли мы «туманы широки», и предложить поменять их, допустим, на «густые», «частые», «холодные», «осенние» и какие угодно другие, «привычные» для всех. Тему можно развивать до бесконечности...

Проанализируем ударение. Вообще-то слово «лавровый» двуударное. Но с ударением на первом слоге употребляется, как означено в большинстве словарей (в т.ч. А. Зализняка), только в ботанике. Нам это не годится. Читаем у В. Даля: «**Пожинать лавры, прославляться, почивать на лаврах, покоиться после славной жизни**». С ударением Даль ситуации не облегчил, но у нас появилось очень важное слово: «лавры».

Пришло время заглянуть в четырехтомный «Словарь русского языка». «...**2. Обычно мн. ч. (ла`вры, -ов). Венок из листьев этого дерева или ветви его**

как символ победы, награды... лавры чьи не дают спать – о зависти к чьему-л. успеху».

В словосочетании «лавровый лист» «лавро`вый» – производное от «лавр». У меня «ла`вровый» – прилагательное от слова «ла`вры».

Лавровый лист тут совершенно не при делах, пусть он, как положено, идет в борщ. И тогда останется вопрос: является ли анализируемая строка следствием недостаточной грамотности или небрежности автора, или это оправданный и объяснимый вариант творческого применения языка в контексте конкретного стихотворения?

Если мои старательные и подробные рассуждения кого-то не убедили, предлагаю вернуться к словарю.

Отдельная статья: «**ЛА`ВРОВЫЙ и ЛАВРО`ВЫЙ, -ая, -ое. 1. Прил. к лавр. Лавровый запах. ...Катятся волны голубые, шумят лавровые леса. Плещеев, На даче. Как он посмел забыть? Три лавровых листка. Что может быть прочней и проще? Симонов, Изгнанник...** (Словарь русского языка в 4-х томах. Москва, «Русский язык», 1982. т. 2, с. 159).

Здесь уже «лавровый» – просто двуударное слово, без всякой связи с ботаникой! С ударением на первом слоге оно применялось уже в середине прошлого века! Причем не в связке с «венцом», а в сочетании с «листочками». (Попутно обратим внимание на ударение в слове «катя`тся» у Плещеева – тоже имеет отношение к нашему разговору).

Полагаю, тему можно считать закрытой. Но есть смысл сделать некоторые общие заметы.

Русский язык необъятен. Кто-то знает его хорошо, кто-то – отлично, однако едва ли есть человек, освоивший его всеобъемлюще. Никто, никто не застрахован от конфузов, и читателям-авторам «ЛитМ» не следует стесняться показывать друг другу ошибки, которые наверняка у всех у нас есть. Наше издание в значительной мере предназначено как раз для того, чтобы работать над ошибками. Но стоит, может быть, избегать категорических суждений и формулировок и, конечно, воздерживаться от окончательных приговоров.

Художественное слово – прежде всего слово поэтическое, где много условностей и своя непростая специфика, не имеет права вести себя незаконно по отношению к нормам родного языка. И все-таки это – особая стихия, отдельный мир, иная вселенная. Здесь царствует образ, который подчиняет форму. Поэтическая речь соотносится с обычной – устной и (как ни странно – в большей степени!) самой грамотной литературной примерно так же, как высшая математика с ее интегралами-дифференциалами и арифметика, знающая только четыре простейших действия.

Надежда

Светлана ШКЛЯЕВА,
г. Владивосток.

Надюшка спала крепко, без сновидений, и проснулась как-то сразу, будто от толчка. Сквозь крохотное оконце пробившиеся солнечные лучи лежали веселым пятном на пестром лоскутном одеяле. Надюшка сладко потянулась. Вылезать из постели не хотелось. Было хорошо, тепло, уютно. Ощущение комфортности поселилось в ее душе. А вот отчего?

И тут Надюшка припомнила. Вчера она и сопровождающая ее воспитательница долго тряслись в кузове грузовика. Дорога почти на всем своем протяжении шла через лесные дебри. Грузовик тарахтел, кричал и натужно стонал, вылезая из очередной грязевой ямы. Казалось, что дебрям не будет конца. Как-то неожиданно лес кончился. Дорога завилась по обширному хлебному полю. Машина набрала скорость и понеслась, оставляя за собой длинный пыльный шлейф. Проскочив поле, пару перелесков и пригородные луга, где паслись коровы, машина остановилась у железнодорожного вокзала возле длинного, приземистого, деревянного здания, похожего на барак.

Шофер Василий, молодой конопатый парень, в вылинявшей тельняшке, черных брюках, заправленных в кирзовые сапоги, кепке набекрень, спрыгнув с подножки грузовика, весело крикнул: «Ну все, лягушки-путешественницы, выпрыгивайте, приехали!».

Воспитательница Галина Ивановна и Надюшка, прихватив свои узелки, спрыгнули на землю.

– Ну, Ивановна, я этак вечером часов в шесть назад буду, так ты не задерживайся. И, выкурив папиросу, залез в кабину и укатил по своим делам, обдав Ивановну и Надюшку облаком едкого дыма.

– Ну, пойдём, чего стоять-то. Время уже за полдень. Значит, говоришь, Карла Маркса? – уточнила воспитательница.

– Да, Карла Маркса, сто шестнадцать, – отозвалась Надюшка.

– Откуда адрес знаешь?

– Папка в письме написал, запомнила.

– Тогда пошли. И, подхватив узелки, они пошли от вокзала. Городок был небольшой, и от первого встречного они узнали, что идут по той самой улице Карла Маркса. Были еще две: Комсомольская и Советская да дюжина переулков.

– Ты дом-то свой помнишь?

– Не знаю, я крылечко помню и забор.

Целых полчаса они топали по горячим скрипучим дощатым тротуарам. Стояла жара, и городок будто вымер. Прохожих не было, номеров на домах – тоже.

Лишь пара-тройка ребятишек стайкой вспугнутых воробьев промчится мимо с криками, и опять никого. Из калитки одного из домов вышла согбенная подслеповатая старуха. Несмотря на жару, она была в потертом плюшевом жакете и обрезанных, наподобие тапочек, валенках. Голова была повязана выцветшим полушалком. На вопрос, где здесь дом сто шестнадцать, старуха, прикрывшись ладонью от солнца, прошамкала: «А кого ищите-то?»

– Петровых, – ответила Надюшка.

– Петровых? Что-то не слышала. Здесь проживают Кузьмичевы, тама – Стрельниковы, в этом доме – Николаевы», – и старуха, указывая на дома искореженным артритом пальцем, стала перечислять население. Ей хотелось поговорить, но путницы, утомленные дорогой и жарой, поспешили дальше. Они прошли вдоль почти всю улицу и повернули обратно. Надюшка растерянно разглядывала встречные дома, не узнавая. И, когда вновь на скамейке у дома замаячила знакомая старуха, Надюшка радостно вскрикнула: «Вон! Вон этот забор! А вон Мишка!» Надюшка удивилась сама: как она узнала в тощем долговязом мальчишке, стоявшем у покосившегося забора, своего друга по младенческому играм?

– Ну слава богу! – вздохнула воспитательница. Ей не терпелось поскорей выполнить свою миссию и вернуться домой в тихую деревню в окружении полей и дремучих лесов. Они вошли в предполагаемую калитку в заборе, и Надюшка узнала то самое крыльцо, первое в своей жизни крыльцо, по которому она карабкалась, хватаясь за шаткие перила. Она помнила приятное тепло крашенных желтой охрой ступенек. В возрасте трех лет ее увезли отсюда чужие люди. Родителей арестовали, и Надюшка оказалась в детском доме. Тогда арестовывали и сажали часто и охотно. Причина находилась всегда. Надюшка рано познала горечь одиночества. Их, вынужденных сирот, кое-как кормили, одевали, лечили, учили, но не любили. По малолетству Надюшка не понимала, куда делись мамка и папка, почему ее никто не прижмет к себе, не приласкает, не утешит, и выражала свою тоску слезами. Реакция на ее плач всегда была одна: у, рева-корова, опять разнюнилась. В результате неосознанного детского протеста на несправедливость сиротского существования она оказывалась в углу комнаты, куда ее ставили за капризы, в назидание другим, наградив подзатыльником. Подрастая, Надюшка поняла, что слезы лишь раздражают всех и ухудшают ее положение среди сверстников. Она научилась обходиться без слез. Она совсем

разучилась плакать. Ожесточилась, научилась давать сдачу обидчикам. И дралась отчаянно, так, что, когда пришла пора идти в первый класс, ее боялись задирать даже мальчишки. Тоска по родителям прошла. Она их просто забыла. Иногда во сне ей являлся неясный туманный образ женщины, и тревога, легкой волной коснувшись души, затихала. Шесть детдомовских лет выживания сделали Надюшку настоящим волчонком. На взрослых она смотрела исподлобья, потому что не ждала от них ничего хорошего.

Среди сверстников по «счастливому детству» держалась особняком, ни с кем не дружила. Она уже знала, почти у всех ее товарищей папка и мамка сидят в тюрьме. О своих родителях до семи лет она ничего не ведала. Но однажды ей пришло письмо, маленький треугольник, сложенный из тетрадного листка. «Петровой Надежде», – по слогам прочитала она расплывшуюся синюю чернильную надпись. И еще там были какие-то цифры вместо улицы и номера дома. Воспитательница объяснила ей, что это номер той колонии, где находится ее отец. Надюшка уединилась в укромном уголке и, волнуясь, развернула заветный треугольник. Из него на пол выпала бумажная денежка. Надюшка быстро подняла денежку. Рубль! Это для детдомовца было целое состояние. Она спрятала рубль в кармашек платья и с трудом начала читать в общем-то красиво и ровно написанные строчки. «Здравствуй, дочка! Во первых строках моего письма сообщаю, что я жив и здоров. Живу хорошо. Очень хочется тебя увидеть. Ведь у меня нет даже твоей фотокарточки. Если можно, сфотографируйся и пошли мне фотокарточку. Ты, наверно, уже большая выросла, читать, писать и считать умеешь. Рубля тебе хватит и на фотокарточку, и на гостинцы. Я слышал, что мамку твою, может, скоро отпустят, а про себя ничего не знаю, но надеюсь. Будь умницей, дочка. Слушайся воспитателей и хорошо учись, может, и свидимся. Твой папка.»

К горлу Надюшки подкатил тугой комок. Из глаз сами собой хлынули слезы. Она изо всех сил пыталась остановить их, размазывая по лицу рукавом платья, стыдясь своего беспомощного состояния. Но детское горе, дотоле запрятанное глубоко, неудержимо прорвалось наружу. И все попытки сохранить достоинство оказались тщетными. Она плакала по-детски, всхлипывая и икая. Подскочил Толька Балабаев, вечно искавший повода с кем бы поцапаться, и, дернув Надюшку за подол платья, стал дразниться. И это привело Надюшку в ярость. Она проглотила ком обиды и вцепилась в Толькины вихры обеими руками. Воспитательница с трудом оторвала ее от Тольки под смех и улюлюканье ребят. Что удивительно, наказывать за драку ее не стали. Воспитательница молча посмотрела на нее и сказала: «Иди умойся». Надюшка долго плескала из рукомойника себе в лицо холодной водой, все еще всхлипывая. Немного успокоившись, она вспомнила про рубль и, усевшись на подоконник в умывальной, стала размышлять, что бы ей купить.

На въезде в деревню находился сельмаг, и Надюшка

знала, что те детдомовцы, которые получают деньги от родителей, бегают туда за гостинцами. И, отпросившись у воспитательницы, Надюшка с легким сердцем побежала в сельмаг. Потной ладонью она бережно придерживала кармашек с рублем. Поднявшись по скрипучему крыльцу и открыв тяжелую дверь, она очутилась перед прилавком.

Магазин был пуст, и продавщица откровенно скучала. На прилавке в небольшой ивовой корзиночке красовались глазированные пряники, рядом в стеклянной вазе сладким монолитным комком покоились конфеты «подушечки»; в холщовом мешочке с подвернутыми наружу краями чернели подсолнуховые семечки. Еще на пристенной полке стояли бутылка, пара стеклянных банок с чем-то и буханки три хлеба. На этом ассортимент сельмаговский заканчивался. Но для Надюшки и это было роскошью. В детдомовском меню напрочь отсутствовали кондитерские изделия. На завтрак, обед и ужин – каша: овсяная (жуй-плюй, потому что с очистками), перловая (дробь), пшенная (почему-то всегда сухая и холодная) и манная размазня. Страна доживала уже почти десятилетие после тяжелой войны, но еще во всем ощущался дефицит. Так что детдомовцы всегда были голодными.

– Ну, чего надо? – буркнула продавщица. Надюшка как в холодную воду нырнула. Покупала-то она первый раз в жизни. Она неуверенным дрожащим голоском произнесла:

– Мне конфеток на десять копеек, и еще пряников на десять копеек, и еще семечек.

– Деньги-то есть? Скоко? Покажи, – недоверчиво потребовала продавщица.

– Рубль, вот. – И Надюшка вынула из кармашка скомканную влажную бумажку.

– Что, мамка прислала?

– Нет, папка.

– Из тюрьмы, поди?

– Ага.

Весть о том, что папка в тюрьме, совсем не смущала Надюшку. Она не понимала, что это значит, и воспринимала это заведение как детдом для взрослых. Продавщица взвесила и подала Надюшке три маленьких бумажных кулечка и сдачу монетками. Надюшка, счастливая, со сладкой конфеткой за щекой, помчалась вприпрыжку по тропинке обратно, бережно прижимая к груди драгоценные кулечки. В спальне она тщательно спрятала свои сокровища между простыней и матрасом. Детдомовцы воровали. Хотя воришкам и устраивали «темную», воровство не прекращалось.

Во втором классе Надюшка училась еле-еле. Во время уроков глазела в окно, мечтая о своем. Вопрос учительницы всегда заставлял ее врасплох. Она нахватала двоек и рисковала остаться на второй год. Отец раз в три месяца присылал письма, и всякий раз в треугольничке Надюшка находила заветный рубль. Ей за горстку семечек недавно прибывшая «новенькая» одолжила матроску (белую блузку с синим в полосу воротником), и она сфотографировалась у заезжего

фотографа. На фотокарточке худая темноглазая девочка в матроске, в бумажном венке на стриженной «под ноль» голове Надюшке понравилась. Она послала фотокарточку отцу.

Время от времени из детдома исчезали воспитанники. Говорили, что их забрали родители. И Надюшка терпеливо ждала своего часа, вздрагивая каждый раз, услышав ребячий крик: «Мамка приехала!» Но это были Колькины, Люськины, Вовкины, а не её.

Однажды утром, войдя в класс, учительница сказала, что сегодня уроков не будет. Умер наш вождь Иосиф Виссарионович Сталин. Ребятишки обрадовались неожиданному отдыху от учебы, загалдели, но учительница строго одернула их, сказав, что по всей стране объявлен траур, и потому они должны вести себя смиренно.

Наконец закончился учебный год. Неизвестно, каким образом Надюшка со своими двойками перешла в третий класс. Наступило лето. Июнь выдался жарким. Однажды воспитательница подозвала Надюшку и сказала, что завтра рано поутру повезет её к родителям. Что они освободились и уже дома. Завтра в город идет грузовик и попутно прихватит их с собой. Взволнованная Надюшка прибежала в спальню и стала торопливо собирать свои скудные пожитки в головной платок. Узелок получился тощенький: кусок веревки-скакалки, несколько огрызков цветных карандашей, белая ситцевая косынка, нарисованная бумажная кукла в бумажных же одеждах, да еще круглая, из толстого стекла плоская баночка из-под крема «Метаморфоза», используемая для игры «в классики». Девчонки с завистью смотрели на ее сборы. Надюшка уже им рассказала, что едет домой. Тихая, большеглазая девочка

Валя Смирнова грустно смотрела на нее, счастливую и раскрасневшуюся. У Вали родителей не было вовсе. Надюшке вдруг стало нестерпимо жалко ее. Она притащила из узелка драгоценную стеклянную баночку и протянула Вале:

– На, я у мамки новую попрошу. – Валя взяла баночку и чуть не расплакалась.

Надюшка торопливо добавила:

– Хочешь, я тебе письма буду писать?

Валя, сдерживая наворачнувшиеся слезы, кивнула головой.

– Мы теперь будем дружить, ладно? – Валя опять кивнула и улыбнулась. Остаток дня Надюшка не знала, как и пережить. Но вот позади утомительная дорога, и она стоит во дворе своего родного дома. На крыльцо выбежала простоволосая женщина в кремовой блузке, черной юбке, босая. Сбежав по ступенькам, она схватила Надюшку и крепко прижала к себе. «Мама!» – догадалась Надюшка. Стиснутая в объятиях, она узнала теплый родной запах. Оказывается, она его никогда и не забывала.

На крыльце появился худой, лысоватый, улыбающийся мужчина. Мама, освободив из объятий Надюшку, подтолкнула ее легонько: «Иди, это папка твой». Надюшка робко шагнула к мужчине. Он, широко улыбаясь, взял ее маленькую ладошку в свою большую шершавую мозолистую ладонь и сказал:

– Ну, здравствуй, Надежда! – Потом, заключив в объятия дочь и жену, выдохнул: «Вот мы и все вместе!»

Шел 1953 год. Год великой амнистии и виновным, и страждущим безвинно, и детям, отбывающим «родительские сроки» по детдомам.

Точильщик ножей.
г. Суйфэньхэ, Китай.

/Фото Ивана КОНЧАТНОГО,
г. Арсеньев./

Где же смелые замыслы?

Игорь АФОНСКИЙ,
г. Владивосток.

Вернулся из очередного длительного рейса домой и сразу окупился в водоворот городских событий. Хотел бы отметить, что многое изменилось. Это касается в первую очередь запланированных, "обещанных", строительных программ. Сразу видно, что деньги есть, дело сдвинулось с места.

Основной же новостью местных телевизионных каналов является тема отмены "льготных проездов" в городском автотранспорте. Кто-то умело "лоббировал" этот вопрос в городской Думе. В "автобусную мафию" я не верю, это уже вполне зрелые околотранспортные структуры. Было время, когда каждый бизнесмен мог заработать в этой сфере деятельности немалые деньги. Требовалось только взять лицензию, купить на свалке за рубежом старенький автобус и, наняв опытного водителя, "стричь купоны". Но это время уже прошло. Оказалось, что и время старых механизмов регулирования льгот тоже проходит, но новых решений никто не предложил. Так с водой можно и ребёнка выплеснуть. Как теперь ученикам добираться до школы, как посещать секции и кружки во внеурочное время? Судите сами, ведь без бесплатного (наполовину платного) проезда многие родители не смогут "вытянуть" ежедневные посещения кружков и спортивных секций. Как обойтись без уроков музыки?

Большинство водителей категорически против любых транспортных льгот. Горько смотреть, как водитель автобуса на остановке просто не открывает двери для пассажиров преклонного возраста. Люди топчутся на холоде, ждут следующего автотранспортного средства. А сколько неприятных инцидентов происходит на остановках!

На мой взгляд обывателя, основным недостатком льготного проезда является отсутствие точной статистики перевозок пассажиров-льготников. Водители видят целые толпы "льготников". Целый день перед их лицами мелькает бесконечный поток удостоверений, которые лично для них финансово не подкреплены. Конечно,

где-то в городском бюджете есть огромные денежные суммы, которые пойдут на оплату этих городских услуг, вычет из налогов и так далее. Но очевидно, что там же они и поделены. Эти деньги никто никогда не видел! За них никто и никогда не отчитывался! Где те газеты, которые публикуют подобную информацию? Где указывают размер таких выплат? Хотя бы один чиновник отчитался о своей деятельности.

Казалось бы, что может быть проще: собрать всех городских, транспортных руководителей, договориться о магнитной карточной системе предварительной оплаты проезда, выделить кредит на изготовление карт и карточных аппаратов, распространить такие карты среди населения, выдать "льготной категории" эти карты с определённой ежемесячной суммой на счёте. И вопрос будет закрыт. Одни плюсы: предварительная оплата проезда населением, строгий учёт городских бюджетных средств, обеспечение льгот, контроль за "чёрным налом". В мире есть богатый опыт других стран, есть и наш собственный опыт. Вспомните проездные талоны в СССР...

Пока же стоит констатировать, что отмена "льготных проездов" не позволит уменьшить плату за проезд в общественном транспорте, не улучшит качества обслуживания в автобусах, не решит проблем с организацией автопарков. Нужны новые проекты, долгосрочные замыслы, смелые решения, которые помогут нам не только сейчас, но и в будущем.

фото Натальи Панькиной,
г. Арсеньев.

Четыре из тысяч, или Субъективный совет homo biblius'у

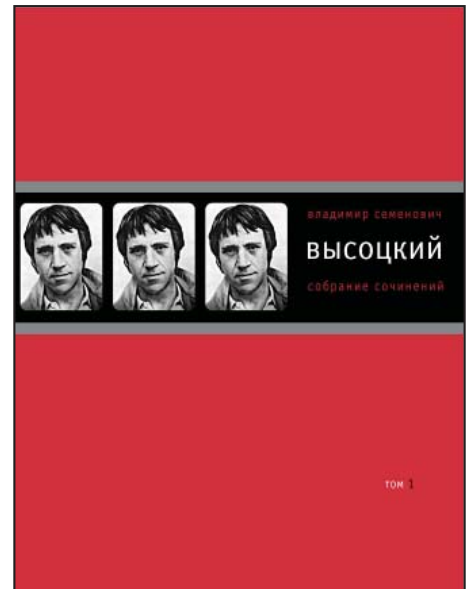
Ежегодно Книжная палата РФ получает в качестве обязательного экземпляра несколько тысяч наименований книг, выпущенных за год абсолютно законопослушными издательствами. Если добавить к этому количеству книги, выпущенные, скажем так, если не самиздатом, но полуофициально, то получится «несколько тысяч умножить на N». А подсчитано, что homo biblius, то есть человек читающий, прочитывает за жизнь 3 тысячи книг, филолог – тысяч 5-6, самый фанатичный книголюб – 10 тысяч. От изобретения герром Гуттенбергом книгопечатания прошло, напомню, 568 лет. Отсюда мой план рассказать в этих записках всего о четырех книгах из многих тысяч, пришедших к читателю в 2008 году, выглядит не таким уж нерациональным.

Наверное, немало времени должно пройти, прежде чем можно будет сказать, каким из текстов ныне здравствующих российских авторов может гордиться 2008-й год, но вот к очевидным успехам трудоемкого дела публикации литературного наследия сразу отнесем выход четырехтомника Владимира Высоцкого. **Владимир Высоцкий. Собрание сочинений в четырех томах. Составление и комментарий О. Новиковой, В. Новикова. М.: Время. – 2008, 5000 экз.** Составитель четырехтомника, один из самых активных и продуктивных на сегодня высокоцковедов, Владимир Новиков пишет в предисловии: «Создание полного академического собрания сочинений Владимира Высоцкого – дело будущего... Задача нынешнего четырехтомника – адекватно представить творчество Высоцкого современному читателю. Это определило и состав издания...» Первые три тома включают в себя основные песни поэта, стихотворения – то есть «тексты, сохранившиеся в рукописном виде», песни для кино и театра, поэму, стихи для детей. Четвертый том посвящен прозе Высоцкого. Здесь повесть «Жизнь без сна», незаконченный «Роман о девочках», киносценарии «Как-то так всё вышло» и «Где центр?», подборка записей из дневников 1963-75 гг., расшифровка фонограмм интервью и публичных выступлений, названная «Устная проза», и выборка из писем 1954-80 гг... Оставим открытым вопрос, что можно было бы сказать, например, о незаконченном романе, если читать его просто как текст, не находясь под спудом легендарного имени автора подлинно народных песен. Но и нельзя не подчеркнуть, что в данном случае находит свое великолепное подтверждение поговорка «талантливый человек талантлив во всем». А Дальний Восток

Высоцкого любит, для многих выход этого четырехтомника будет огромным праздником. Например, для тех, кто будучи в глухие годы застоя девушками из машбюро, молодыми инженерами, конструкторами, выпускали отпечатанные на машинке и переплетенные вручную книги Высоцкого, сборник «Нерв», страшно подумать, на хабаровском заводе им. Горького, в строжайшей атмосфере ВПК!..

Нас, дальневосточников, которые в последние годы в Поднебесной бывают намного чаще, чем в Москвах, Питерах и прочем Западе, не может не заинтриговать собрание текстов современной китайской прозы. **Китайские метаморфозы. М.: Восточная литература. – 2007, 525 с., 3000 экз.**

Современная китайская проза и, допустим, поэзия – «две большие разницы». Если традиция в поэзии до сего дня столь сильна, что редкий китаист отличит стихотворение, например, поэта VI века от современного, коль в тексте не будет прямых лингвистических подсказок, то проза вообще и эта кни-

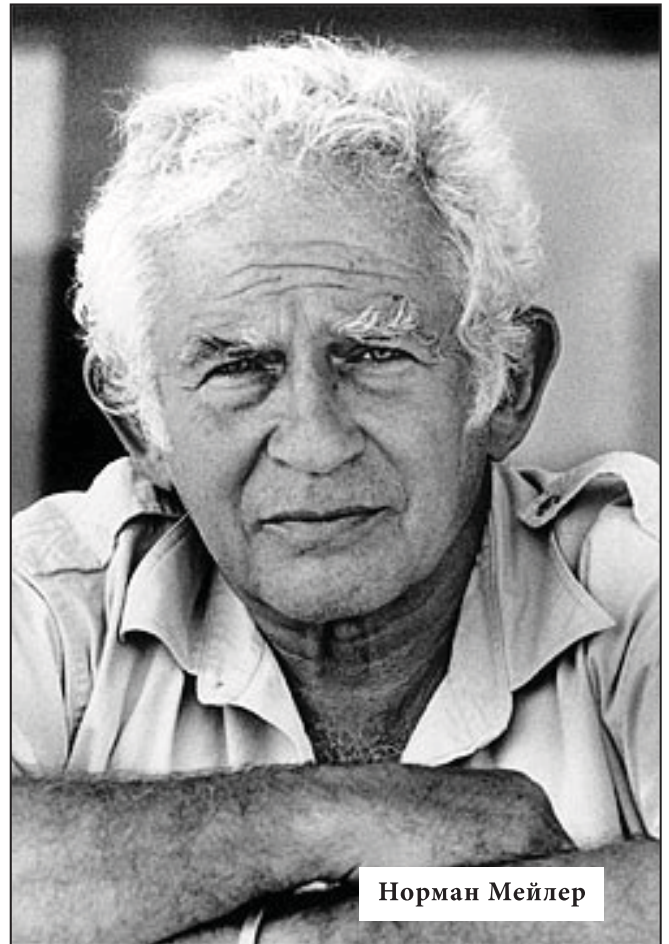

га в частности (и в особенности!) предлагает образ Китая, совершенно отличный от традиционного и даже мало-знакомый тем из земляков, кто избородил торговый и курортный Китай вдоль и поперек. В антологию включены тексты жи-

вого классика китайской литературы Ван Мэна, старейшины литературного цеха Китая Ба Цзиня, умершего в 2005 году в возрасте 101 года, и еще трех писателей старшего поколения, а также восьми – помоложе. Дадим цитату из эссе Ван Иньи: «Только не думайте, что Шанхай окутан флером романтики. Вовсе нет, здесь всё построено на жесткости и твердости... Хорошенько примухайтесь к здешнему ветру: вы почувствуете в нем солоноватый запах морской воды и гудрона. Не думайте, что этот зефир, коснувшийся вашего лица, такой уж нежный. Или попробуйте взобраться на плоскую крышу какого-нибудь здания и взгляните оттуда на город – вам тут же бросится в глаза его грубая, шероховатая шлифовка...»

К одной из лучших книг, выпущенных не в Москве, а на Дальнем Востоке, не только 2008-го года, но и нескольких последних лет, я бы отнес **библиографический сборник «Валерий Янковский»** (Владивосток: изд. ПГПБ им. А.М. Горького. – 2008. 400 экз.). Выход книги был сопровожден представительной презентацией во Владивостоке, она имела солидную прессу и в Приморье, и в Приамурье, в Интернете можно легко найти о ней большие материалы, поэтому всего два слова. О Валерии Янковском, 97-летнем писателе, когда-то приморце, живущем сегодня во Владимире, сыне легендарного Юрия Янковского, чье имя в книге славы России по праву стоит рядом с именем Владимира Арсеньева, должен знать каждый образованный дальневосточник, да и россиянин, поскольку их жизнь, их имена – это история и культура Дальневосточной России, да и всей страны в истории всего одной уникальной семьи.

Сегодня у нас так часто ругают Америку, что скоро не останется тех, кто любит хоть что-то американское, кто знает, что там множество хороших, талантливых людей. Один из них – писатель **Норман Мейлер**, известный как классик американской литературы не одному поколению выпускников отечественных филфаков. Кое-где по книжным лавкам Хабаровска и Владивос-

Норман Мейлер

тока еще можно найти предпоследний роман Нормана Мейлера «Крутые парни не танцуют» (ваш покорный слуга год назад «проглотил» его часа за три), а уже появился и русский перевод последнего, написанного в 2007-м... к сожалению, незадолго до смерти автора. Мейлер умер в Нью-Йорке в октябре того же 2007-го... **Норман Мейлер. Лесной замок. Пер. с англ. В. Топорова.** СПб: Амфора. – 2008, 448 с., 5000 экз. Главный герой – Адольф Гитлер в детстве и юности... Как всегда, писатель как бы пытается нарушить все заповеди... не нарушая при этом ни одну. В своем последнем романе в семейных тайнах и проклятиях Норман Мейлер искал корни злодеяний Гитлера... Это не пособие для начинающих злых гениев, это глубокое исследование человеческой природы.

Двойной юбилей

П. ПУЗИН, заместитель начальника по воспитательной работе судоводительского факультета МГУ имени Невельского.
Фото: О. Самускевич, С. Юдинцев.

Два важных события отпраздновал Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского в ноябре 2008 года – десятилетие издательской программы «Народная книга» Владимира Тыцких (директор Л.И. Качанюк) и пятилетие первого автопробега в честь Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. По случаю этих праздников в актовом зале морского вуза прошёл большой торжественный литературный вечер.

Знаменательно, что технический вуз десять лет назад стал одним из учреждений издательской программы, поступив как достойный наследник и хранитель духовных традиций морского города. Символично то, что у колыбели Владивостока стояли военные моряки, морские инженеры. Отменная профессиональная выучка сочеталась у них с высокой культурой, в том числе – культурой речи. И замечательно, что эти традиции получили продолжение и развитие в морском университете.

Сергей Алексеевич Огай, ректор Морского государственного университета, открывая вечер, подчеркнул, что за каждой книгой – а их вышло в рамках программы более ста – стоит огромный труд и большая ответственность. Каждая художественная, публицистическая, мемуарная книга не только хранит в себе память прошлых поколений, но и становится духовным, нравственным маяком для людей, в первую очередь – молодых. Он отметил, что только в серии «Университет на Верхнепортовой»

Игорь ЛИТВИНЕНКО,
автор книги «Куда плывут субмарины»
и давний друг издательской программы.

Стенды "Народной книги" и Дней славянской письменности

программой выпущено в свет 23 книги, где авторов больше сорока. И это, без сомнения, символично.

Грамотами МГУ, администрации Приморского края и Приморского Фонда культуры были награждены все, благодаря кому «Народная книга» воплотилась в жизнь: редакторы и полиграфисты, художники и издатели. Их вручали А.В. Смирнов, заместитель директора Департамента социального развития и СМИ администрации Приморского края, М.А. Афиногенова, заслуженный работник культуры Российской Федерации, О.И. Ботнар, директор Приморского Фонда культуры, другие официальные лица.

Игорь Литвиненко, давний друг «Народной программы», бывший командир подводной лодки, автор книги «Куда плывут субмарины...», торжественно вручил удостоверение и приколот к морскому кителю

История МГУ;
«автопробежные» экспонаты.

Владимира Тыцких памятную юбилейную медаль «50 лет общероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы».

Оригинальные сувениры, которые ректор МГУ вручил сотрудникам университетского полиграфического комплекса – деревянные кружки, украшенные эксклюзивными коллажами Марины Запорожец, – переходили из рук в руки, вызывая удивленные и восхищённые улыбки. Кстати, вокальное трио «Сирены», руководителем которого также является Марина Владимировна, сопровождало всю концертную программу.

Была проведена и презентация только что вышедшего сборника «Паруса-3», регулярно знакомящего читателей с творчеством членов литературной студии, которая уже семь лет работает в МГУ им. адм. Г.И. Невельского. Владимир Тыцких – её бессменный руководитель – пригласил в литактив известных приморских поэтов и писателей, журналистов и педагогов. Это Юрий Кабанков и Вячеслав Протасов, Сергей Барабаш и Валерий Кулешов, Олег Матвеев и Сергей Юдинцев. Команда небольшого, но сплочённого творческого корабля постоянно прирастает новыми именами, даёт путёвку в жизнь молодым талантам, лауреатам многих конкурсов, таким, как Марианна Смирнова, Анастасия Осокина, Ольга Левашова, другим студийцам.

О сотой книге – «Чёрный дьявол» – дальневосточника Ивана Басаргина (иллюстрации художника Джона Кудрявцева) рассказала О.Б. Забелина, директор муниципального Управления культуры Владивостокской централизованной библиотечной системы. Она отметила, что

повесть выходила в советское время за границей – и вот переиздана во Владивостоке на русском языке. Один экземпляр книги Ольга Борисовна передала в музей МГУ, отметив факт присутствия на вечере 23-х представителей городских библиотек и, в частности, инициатора издания «Чёрного дьявола» Л.Д. Белых, директора библиотеки имени И.У. Басаргина.

Сто первой «народной книгой» стала «Виват регата!» Евгения Жукова. Евгений Иванович – один из самых известных людей не только в морском университете, но и на Дальнем Востоке: легендарный яхтенный капитан, профессор, многократный чемпион России и Приморья по гребле и парусному спорту, автор 13 учебников по морскому делу. Но, пожалуй, главной в его жизни стала знаменитая школа юных моряков, созданная сорок лет назад на базе ДВВИМУ.

Сколько «трудных» мальчишек и девчонок спасла эта школа, прививая не только любовь к морю, но и дух морского братства, взаимовыручки, умения стойко держать удары судьбы. Несколько поколений «жуковцев», пришедших поздравить своего наставника, делились воспоминания-

Слева-направо:
Ректор С.А. Огай, первый проректор В.Ф. Гаманов,
яхтенный капитан Е.И. Жуков.

ми, и сразу было видно, что время над ними не властно. Евгений Иванович оставил на память автограф тем, кого назвал своими друзьями, соратниками и учениками.

Закончился вечер выступлением артистов Литературного театра, руководит которым постоянная участница Дней славянской письменности и культуры, профессиональная актриса Екатерина Кучук.

Его имя с нашим городом слилось

Анастасия КАРАВАЕВА,
г. Арсеньев.

/Продолжение. Начало в № 11,12 2008 г./

Начало строительства завода

В 30-х годах восточный сосед Страны Советов – Япония вела себя вызывающе. Она оккупировала Маньчжурию, Корею, вдоль наших границ создавала укрепрайоны, оснащённые военной техникой. Участились случаи нарушения наших границ. Советское правительство принимает решение по обеспечению безопасности дальневосточных рубежей, а также по развитию экономики окраин страны.

26 мая 1936 года выходит Постановление Совета труда и обороны страны о начале строительства завода по ремонту самолётов и двигателей за № 128. В состав комиссии, которая должна была выбрать площадку для строительства завода, вошли сотрудники наркомата тяжёлой промышленности: руководитель Г.Г. Петров, инженер-архитектор Н.А. Свайкин, инженер-механик И.Ф. Караваев, инженер-экономист В.М. Парникель (Ю. Хоменко, газета «Восход» от 14.08.2002 г.). Они определили два места для площадки: в долине реки Даубихэ с. Семёновка и в долине реки Улахэ – в районе с. Чутуевка. Чаша весов склонялась в сторону Улахинской долины. Район был богат строительными материалами, имелась рабочая сила (600 человек могли трудиться на стройке). Кроме того, имелись полезные ископаемые: в районе деревни Архиповки – каменный уголь, у деревни Бреевки – железная руда, Антоновки – молибден. Но место расположения площадки находилось вдалеке от железной дороги, что могло увеличить срок строительства на 3-4 года.

3 декабря 1936 года приказом наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе была утверждена стройплощадка в долине реки Даубихэ, «как наиболее приемлемая, с точки зрения экономики капиталовложений». Стоимость будущего завода предполагалась в сумме 160-180 млн. рублей, а ввести в эксплуатацию планировалось в конце 1938 г., и ежегодно ремонтировать 1200 моторов и 800 самолётов.

Начальником строительства и директором завода № 116 был назначен Владимир Григорьевич Ирьянов. Под его руководством уже сооружались авиационные заводы в городах Воронеже и Иркутске. Правда, было и понижение по службе, когда он работал начальником ОКСа в г. Хабаровске. Но это не убавило его оптимизма. По-прежнему он увлекал людей своей открытостью, энергией, целеустремлённостью. Наверное, считал, что ступившие тучи над его головой развеются и он получит работу по силам. В октябре 1936 года его вызвали в Москву и предложили на выбор Урал, Казань и... Семёновку. Он выбрал Дальний Восток. Манил размах работ – от первого колышка до пуска завода. К трудностям Владимиру Григорьевичу было не привыкать. С 1917 г. служил в Красной Армии. Командовал ротой, полком, бригадой. Лично С. Орджоникидзе наградил Ирьянова легковым автомобилем М-1. Кроме того, Владимир Григорьевич был награждён орденом Красного Знамени.

С чего он начал? С возведения строительной базы и жилья. Вот несколько фрагментов из первых приказов:

«Считать строительство лесоперерабатывающего цеха и временной электростанции важнейшей задачей коллектива. Пуск объектов 13.07.»

«Для неграмотных и малограмотных рабочих установить часы занятий с 7 до 10 утра».

«Приступить к строительству школы-семилетки. Пуск 25.08». Намечалось в этом же году открыть детский сад, библиотеку и клуб, перевести рабочих из палаток в деревянные бараки.

В начале 1937 года на стройку начали приезжать люди из всех уголков Союза. Всего 2116 трудоспособных человек. Стройка не была подготовлена к их приёму. Не хватало жилья, местность под его строительство была в основном болотистая. Пахотные земли принадлежали колхозу им. Сталина и самой Семёновке. Под завод требовалось 1119 га. Не были определены земли и в 1938 году, что вынудило руководство стройки самовольно вести работы на угодьях колхоза.

Владимир Григорьевич
ИРЬЯНОВ

Только после этого крайисполком принял постановление о переселении колхоза им. Сталина в колхоз «Красный охотник» в с. Таёжка. 28 семей переехали в село, оставив дома для строителей. Положение осложнялось еще и тем, что технический проект и рабочие чертежи завода Горпроектинститут должен был выдать 20 февраля 1937 года, но и 15 февраля 1938 г. эта работа была выполнена не полностью. Плохи дела были в жилстроительстве. Технические проекты, сметы, рабочие чертежи лежали незаконченными в тресте «Гипрогор» в г. Ленинграде. Областные власти, нарком оборонной промышленности не оказывали помощи. А люди всё пребывали и к июню 1937 г. их было уже 5 тысяч. Не хватало палаток, приходилось селить по две семьи, а одиноких – по 10-12 человек. Начались волнения, жалобы, текучесть кадров. На работе упала производительность труда. И, как водится, начались поиски виновных. Люди из госбезопасности давно следили за непокладистым руководителем.

Ещё в 1935 г. в Иркутске Ирьянов в присутствии парторга ЦК ВКП(б) С.А. Проскурякова пространно рассуждал об установлении тяжёлого партийного режима, об аппарате ЦК, из которого по непонятным причинам выпадают испытанные кадры. В ответ С.А. Проскуряков заметил, что Сталин груб и подозрителен. Такие разговоры были и с другими людьми.

Почувствовав за собой слежку, Владимир Григорьевич открыто поносил органы НКВД, говорил, что не боится репрессий. 6 августа 1937 года он был арестован уполномоченным 4 отделения Уссурийского областного управления НКВД сержантом А.М. Гринёвым, под чьим неусыпным оком находился каждый шаг директора завода. При аресте присутствовали: уполномоченный Яковлевского райотдела НКВД Аунап, парторг ЦК Смолы. Ирьянова увезли в ворошиловскую тюрьму (ныне город Уссурийск). И начались допросы...

В уссурийской тюрьме В.Г. Ирьянов не выдержал садистских пыток и «признался» в своих связях с руководством правотроцкистского центра в Москве и японской разведкой. 22 апреля 1938 г. по решению «тройки», заседавшей 15 минут, он был расстрелян в неполные 42 года.

Я держу в руках «Выписку из решения Военной Коллегии Верховного суда СССР» от 30 мая 1957 года:

«...Приговор от 22 апреля 1938 г. отменён, и дело Ирьянова Владимира Григорьевича прекращено за отсутствием состава преступления...»

Из Семёновки вслед за Ирьяновым исчезли главный инженер строительства Ф.В. Карпенко, его заместитель И.Ф. Караваев, парторг Д.М. Кручина, прораб А.Д. Куляко и многие другие. Кровавая машина репрессий не минула и далёкую таёжную глубинку.

В наше время рабочие завода «Прогресс» обратились к городским властям с предложением увековечить память первого руководителя строительства и директора завода. И теперь один из переулков города носит его, В.Г. Ирьянова, имя.

После ареста Ирьянова, некоторое время директором был арестованный позже Ф.В. Карпенко и затем – и.о. директора являлся В.С. Успенский, впоследствии также репрессированный.

3 октября 1937 года приказом наркома оборонной промышленности директором завода и строительства назначается начальник представительства завода № 116 в Москве Спиридон Ильич Апостолов, главным инженером – Григорий Моисеевич Саверченко. В отчёте за 1937 год С.И. Апостолов писал: «Завоз на неподготовленную площадку большого количества рабочих и низкий процент выполнения плана (33,15%) являются, безусловно, вредительским актом бывшего руководства, которое было разоблачено лишь в августе и сентябре в лице врагов народа, бывшего начальника строительства и бывшего главного инженера». Расхожая фраза – обычная практика выживания тех лет. Но она не спасла Апостолова – 6 августа 1938 г. он был арестован как враг народа, вредивший строительству.

С 7 августа 1938 года к обязанностям начальника строительства приступил Николай Сергеевич Новиков. Главным инженером завода был назначен Владимир Михайлович Семёнов. Жизнь продолжалась, и одним из главнейших вопросов был вопрос предоставления жилья прибывающим строителям и переселения людей из палаток в бараки. Холод, сырость, теснота, плохое питание приводили к различным заболеваниям, в том числе малярией и цингой. Спасение от последних находили в хвойном отваре, который давали каждому работнику по стакану перед едой...

И всё же стройка жила полноценной жизнью.

Первые ростки

Рождались спортивные организации, закладывался фундамент культуры. Вот что рассказывает участник тех событий К. Виноградов:

«Тогда на заводе была спортивная организация «Крылья Советов». Заслуга создания этого общества принадлежала Павлу Дмитриевичу Новикову. На строительстве он появился после службы в армии в начале 1937 г. А через несколько дней его знала уже вся молодёжь. Он обладал каким-то особым даром притягивать людей. Встретить его одного можно было крайне редко, рядом с ним всегда была ватага молодых ребят; в комнате, где он жил, засиживались до поздней ночи. Уважали его и рабочие, и интеллигенция. Через несколько дней после приезда он с энтузиастами уже готовил на пустыре стадион. Сделали разметку футбольного поля, установили ворота, а в октябре 1937 года на импровизированном стадионе состоялся первый футбольный матч с командой воинской части. Это был первый матч в истории села Семёновки. Игроки не имели формы, обуви. Но сколько было азарта и у футболистов, и у болельщиков!

К юбилею Советской Армии Новиков организует лыжный поход Семёновка–Яковлевка–Спасск. Комплектовал команду, наставлял и дал старт Эраст Степанович Селянин. Лыжи в те годы были очень популярны. В зиму 1937–1938 гг. на месте будущего городского стадиона залили каток. В палатке постави-

ли печку–«буржуйку» и разместили раздевалку. Но даже такой примитивный каток был новинкой для села, да и для строителей тоже.

Летом 1938 года футбольная команда «Крылья Советов» выезжала в г. Хабаровск, где сыграла три матча с командами «Строитель», «Динамо», «Локомотив». Проиграли, но набрались опыта. До ухода на фронт Павел Новиков воспитал целую плеяду спортсменов: футболистов, волейболистов, лыжников, которые впоследствии сыграли ведущую роль в развитии спорта на заводе. В выстроенном бараке выделили помещение под спортзал, где занимались акробаты, а весной 1938 г. они выступили на сцене клуба. Руководил всё тот же П. Новиков. К сожалению, летом 1942 года он пал смертью храбрых на войне. Семёновцы тяжело переживали это горе.

Празднование 20-й годовщины Советской Армии совпало с открытием клуба, первым директором которого был назначен Степан Филиппович Рыжечкин. Правда, работал он недолго. Заменил его Тигран Петрович Апетьян. При нём сложился сильный драматический коллектив, в основном из интеллигенции. Первый спектакль на сцене клуба был сыгран к 21-й годовщине Октября (1938 г.) — «Любовь Яровая» Тренева. К спектаклю готовились основательно. Режиссёр Т. Апетьян, Любовь Яровую сыграла бухгалтер Раиса Фокина, Ярового – учитель Василий Агеев, комиссара – начальник отдела Александр Гордейкин.

Т.П. Апетьян работал в клубе до лета 1940 г. Много сделал как директор, руководитель драмкружка. К тому же играл в футбол, судил спортивные игры. После него сменилось несколько директоров. С 1943 г. по 1949 г. директором был К. Виноградов, возродивший традиции в таёжной глухомани – Семёновке: шли спектакли А. Островского «Лес», «Бедность – не порок», «Не всё коту масленица», А. Толстого «Нечистая сила». Огромным успехом пользовался спектакль Духовичного и Слободского «Факир на час». С музыкальным сопровождением Сергея Яковлевича Калачева его ставили на сцене клуба и на выезде около шестидесяти раз. Вершиной творчества драматического коллектива, работавшего под руководством К. Вихрова, стал спектакль по произведению Корнейчука «Платон Кречет». Кроме спектаклей, готовили концерты самодеятельных артистов, из которых была создана концертная бригада, выступавшая и в других населённых пунктах.

Ещё в 1937 году, когда клуб находился в палатке, прекрасный музыкант-кларнетист Артём Осипович Осипов стал собирать семёновских мальчишек и обучать их музыкальной грамоте. Так был создан духовой оркестр. В 1938 году духовой оркестр играл на первомайской демонстрации. Начал свои выступления джаз-оркестр под руководством талантливого музыканта С.Я. Калачёва, создавшего второй состав духового оркестра. Духовой оркестр при ДК «Прогресс» живёт и радуется своей музыкой жителей Арсеньева по сей день. Он один из любимых горожанами творческих коллективов.

Ежегодно на 10-12 дней на гастроли приезжали театр допрофсоча «Колхозно-совхозный» (позднее стал называться Усурийский драматический), Владивостокский театр им. Горького, Омский, Иркутский, Свердловский театры оперетты. Именно они впервые познакомили семёновского зрителя с музыкой И.Кальмана, другими мастерами. Посчастливилось семёновцам встретиться с прославленным хореографическим ансамблем Игоря Моисеева, оркестром народных инструментов И.О. Дунаевского и многих других. Желающих послушать мастеров и посмотреть на них было так много, что билеты приходилось распределять по коллективам. Заводчане любили свой клуб. Только в клубе можно было посмотреть кино. Киномеханик Васин в дни кино демонстрировал по 4-5 киносеансов.

(Окончание в следующем номере).

Пушки острова Фуругельма

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

2008-й год для меня был временем постоянных поездок по Приморскому краю. Возвратившись из десятидневного автопробега, посвящённого Дням славянской письменности и культуры, номинально организованного краевой администрацией, а фактически – писателем Владимиром Тыцких, я не смог остановиться и всё лето самостоятельно и в составе туристических групп мотался по Ханкайскому и Хасанскому району Приморья. Считая себя коренным дальневосточником, к своему немалому огорчению, я убедился, что если мне, в какой-то степени, знакомы окрестности и памятные места Хабаровска и Николаевска-на-Амуре, Москвы и Санкт-Петербурга, и даже окрестности Пензы, то с районами Приморья, места своего постоянного проживания, я фактически не знаком. Может быть, по этой причине я в составе туристической группы в середине сентября отправился в своё седьмое за текущий год путешествие по Приморскому краю.

В этот раз мой путь лежал в сторону самого южного в России острова Фуругельма. Надо сказать, что, попутно побывав на маяках полуостровов Брюса, Гамова и маяке Назимова, я с удивлением отметил: наше уже далеко не бедное государство совершенно забыло об этих более чем столетних постройках, важнейших для судоходства навигационных ориентирах. Если светооптические системы маяков ещё худо-бедно поддерживаются в рабочем состоянии, то сами маячные башни, особенно маяка Назимова, сильно обветшали. Кстати, с территории этого маяка какие-то предприимчивые умельцы стащили маячный колокол, и в настоящее время он установлен где-то на острове Русский. Между тем маячные колокола, отлитые ещё в позапрошлом веке, имеют не только материальную, но и историческую ценность.

После многочасовой тряски в будке автомобиля «Вахта» вечер первого дня своего кратковременного путешествия я встретил в палатке на песчаной косе Назимова, которая узкой прямой полосой в заливе Посьета отделяет бухту Экспедиции от бухты Рейд Паллады. Следующим утром с группой туристов на лёгком катере я уже приближался к цели своего путешествия.

Остров Фуругельма является частью территории Дальневосточного государственного морского заповедника и поэтому практически не заселён. Рядом с местом, где наш катер ткнулся носом в песчаный пляж, я увидел только три постройки: сооружённый в десятке метров от воды небольшой, выкрашенный синей краской хозяйственный сарайчик и чуть подальше – два домика. Один уже потемнел от времени, а другой, ближе к лесу, напоминал яркую рекламную картинку современных стройматериалов. Как выяснилось, домик предназначался бывшему президенту Путину на случай, если бы он удосужился пожить на заповедном острове во время его недавней поездки по Дальнему Востоку. Для тех, кто мог усомниться относи-

тельно места, куда его занесло, на скальной поверхности прибрежного утёса, напоминающего положенную набок стандартную девятиэтажку, огромными буквами и, наверное, уже достаточно давно, было высечено слово: «Фуругельм».

Между прочим, фамилию Фуругельма носит не только этот дальневосточный остров, но также и мыс на Сахалине, и гора на острове Баранова у берегов Северной Америки. Исследователь дальневосточных морей адмирал Иван Васильевич (Юган Халтусович) Фуругельм с середины 19-го и до начала 20-го века сделал очень многое для укрепления государства Российского на восточных рубежах.

Ещё при подходе к острову, покрытому, словно каракулевой шапкой, густым лесом, я безуспешно пытался разглядеть следы береговой обороны. Если условно принять остров Фуругельма за корабль, то на его траверзе расположен полуостров Сулова. В совокупности с полуостровом Краббе он естественно входил в систему обороны Посьета. В конце 19-го и первой половине неспокойного 20-го века такая оборона была необходима. Однако позиции пушек острова Фуругельма на картах почему-то не обозначены. Вместе с тем на карте полуострова Гамова места расположения фортов линии Молотова до сих пор указаны жирным шрифтом. Грозные крупнокалиберные орудия фортов и сегодня направлены в сторону моря, привлекая внимание любознательных туристов.

Сойдя с катера, я бросил на прибрежный песок большую часть верхней одежды и вместе со своими спутниками углубился в островные заросли. Проводник-островитянин повёл нас узкой тропинкой, по которой когда-то ходили пограничные наряды. Надо сказать, понятие «тропинка» в данном случае было весьма условным, так как нам пришлось буквально продирается в густом подлеске, заросшем кустами колючего шиповника. Я наконец на практике убедился, что название широко распространённого

на Дальнем Востоке растения – «шиповника» происходит от слова «шип». Через полчаса мои руки и открытые части ног этими самыми шипами были исколоты и расцарапаны до крови. Растянувшись цепочкой, мы долго шли в гору, пока не выбрались на гребень сопки. Следует отметить, что остров Фуругельма, длиной почти в три километра, идеально вытянут с севера на юг, от камня Буй рядом с мысом Круглый до камня Южный рядом с мысом Бочкова. Если мысленно соединить эти камни воображаемым пунктиром, то гребень островной возвышенности максимальной высотой в сто двадцать метров от уровня моря как раз протянется по этой линии.

Миновав разрушенную армейскую казарму, я со своими попутчиками выбрался из леса на обширное пространство, покрытое высоким, по пояс, разнотравьем. Но это была ещё не самая высокая точка островной возвышенности.

По едва угадывающейся в буйной растительности тропке мы побрели дальше, пока не наткнулись на утопающий в траве скромный обелиск из серого камня, увенчанный ржавой металлической звёздочкой. На лицевой грани пирамидки в ограниченном выпуклой рамкой каменном квадрате значилось: «Красноармеец Единцов Николай Семёнович, 1917 – 1939». Судя по качеству изготовления надгробия, обелиск был сработан с применением станкового оборудования и привезён с материка. Прикинув, скольких трудов стоила его транспортировка и доставка на вершину сопки, я невольно покачал головой. «Пацан ещё был, – мысленно определил я возраст погибшего, – простой солдат, а ведь такое посмертное уважение далеко не каждому офицеру оказывают».

Как впоследствии я узнал, островным жителям фактически ничего не известно об обстоятельствах гибели Коли Единцова.

– Вроде ничего героического он и не совершил, – пожал плечами, отвечая на мой вопрос, проводник. – Просто погиб во время службы. А что, разве мало сейчас гибнут?

Мои попутчики, остановившись на минуту, цепочкой потянулись за проводником, который молча обогнул обелиск, как куст шиповника или старый пенёк. Вероятно, все островные достопримечательности ему уже примелькались и порядком поднадоели. Между прочим, никого из моих спутников, идущих впереди, также не интересовала судьба истлевшего под каменной пирамидкой молодого парня. Постояв у солдатской могилы, я пошёл следом за проводником.

Через сотню метров от обелиска тропинка привела нас к глубокому бетонированному орудийному дворику с заржавевшей полубашенной пушкой. Пушка, на первый взгляд, была исправной, не считая многолетней ржавчины и отсутствия оптического прицела. Орудийный ствол был законсервирован обычным способом: из затворного гнезда казённого торчала деревянная пробка. Впрочем, при малочисленном островном населении и отсутствии пункта приёма металлолома это было неудивительно. Чуть подалее, в высокой траве, виднелись позиции ещё нескольких пушек. От места расположения дальнбойных орудий открывался великолепный обзор в сторону

полуостровов Сулова и Бутакова. До противоположной береговой линии было не более шести километров – чуть более трёх морских миль. «На глазок» калибр береговой артиллерии был не менее 107, а может, и все 122 миллиметра: именно такие калибры были у подобных орудийных систем 30-х, 40-х годов. Для таких пушек три мили – не расстояние.

По скобтрапу я взобрался на крышу бронированной полубашни и, оглядевшись по сторонам, убедился, что абсолютно весь залив Посьета прикрывался огнём пушек острова Фуругельма. Вернее, когда-то прикрывался. Коричневые от ржавчины, заляпанные птичьим помётом орудия, уткнувшиеся срезами стволов в зелёную чащу выросшего на брустверах орудийных окопов шиповника, теперь были беспомощны.

От орудий я ушёл последним. Когда спускался по крутому склону обратно к морю, в голове непрерывным рефреном звучали четыре строчки стихотворения Константина Симонова «Поручик»:

*... Что защищать? Заржавленные пушки,
Две улицы то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избушки,
Клочок не нужной никому земли?..*

Я почему-то вспомнил, что стихотворение «Поручик» было опубликовано автором в 1939 году, именно тогда, когда погиб и был похоронен на клочке русской земли – острове Фуругельма – русский солдат Коля Единцов.

Часа через полтора наш катер от острова шёл в сторону мыса Островок Фальшивый. На свежей волне лёгкое судёнышко мотало нещадно. Пристроившись на кормовом сиденье, промокший от тучи солёных брызг, я размышлял об увиденном. Настроение было подавленное. Перед глазами стояли разрушенные армейские казармы, старые заржавленные пушки и заросший бурьяном серый обелиск.

Постскриптум. На могиле неизвестного солдата в Москве горит Вечный огонь, там почти всегда лежат цветы. На самом южном острове России – острове Фуругельма есть могила солдата известного – это место захоронения красноармейца Коли Единцова. На этой могиле цветов нет, на ней растёт сорная трава...

По воле Вышней

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск.

По воле Вышней

На нас вниманье обращать
Пустая трата времени.
Поэтов суетная рать
Без роду и без племени.

В своих скворечниках сидим,
Как воробьи, наохлившись.
Мы все рассеемся, как дым,
На этом гиблом поприще.

Не мне решать, кому где быть –
На то есть воля Вышняя.
Попробуй небо полюбить
Над улицей Промышленной.

* * *

Как сочетается порой
Всё то, что мне казалось «липой»,
С какой-то странною игрой
Людей, машин, стереотипов.

Я в повседневности хотел
Найти хотя бы часть отличья
От этих меркантильных дел,
От мерзости и неприличья.

Своё шлифую ремесло,
Пытаясь вычислить
пространство,
Я бился мухой об стекло –
И в этом мера постоянства.

Недосуг

Зима, суровая зима.
Не лает пёс из подворотни.
Читаю «Горе от ума» –
Никак не дышится свободней.

Читаю Лермонтова вслух:
«Белеет парус одинокий».
И понимаю – недосуг
Читать классические строки.

Мир с ног на голову встаёт,
И между «да» и «нет» –
пространство,
В котором всё наоборот.
Вот здесь и кроется коварство!

Луна скатилась за дома.
В такую ночь тревожно духу...
Не дай мне, Бог, сойти с ума –
Да видит глаз, да слышит ухо.

Смирение

Опять блудницы возле Церкви,
И строить планы ни к чему.
Вагон любви давно отцеплен,
И он не нужен никому.

Лишь иногда сюда приходят
По шпалам путники в ночи.
А ты про то, что сердце бродит,
На всякий случай промолчи.

Молчи, застигнутый разлукой, –
Ты к ней давным-давно привык,
Испытанный небесной мукой
Нечеловеческий язык.

Настроение

Хаотично, как у Шнитке
партитура,
Вырастает современная
культура.

До абсурда доведённое сопрано
Вытирает, как пружина из дивана.
Это нотные линейки Оффенбаха
И скалистые отроги Карабаха,
Альманаха анемичное наречье,
Где обыденность обычна
человечья.

Трёп в антракте
о значительности линий
В киноверсии великого Феллини...
Зимний вечер за оконной
занавеской,

Сострадающий,
как Фёдор Достоевский.

* * *

В подлунной тихо... Вечереет.
Не жду ни выгод, ни наград.
В день Первозванного Андрея
Надежды нет на снегопад.

Гудок протяжный электрички
С вокзала долетел сюда.
Ни тарантаса нет, ни брички –
Забудь о прошлом навсегда!

Сиди и комкай мыслей ворох,
Беду не выставишь за дверь.
Что толку в светских разговорах?
Молиться надобно теперь.

Ревизия личной библиотеки

Северянина нет
и Волошина кто-то похитил...
Я в «стране дураков»
закопал не один золотой.
И квартира моя
далеко не святая обитель,
Да и все мы сюда
ненадолго пришли на постой.

Всё ж надеюсь и верю –
умножатся наши молитвы,
И под куполом синим
снизойдёт благодать на людей,
И вернётся Волошин
на книжную полку со свитой
Очень милых господ
(Только это ведь Богу видней).

А пока что в окне
расползаются серые тени,
Непригляден рассвет,
и апрель к нам сегодня не мил.
Хорошо, ещё есть и Кольцов,
и печальный Есенин,
Значит, можно дышать
и Господь обо мне не забыл.

* * *

Судьба удачами не балует,
И все мечты мои – утопия.
А за окном метели шальные
Грозят засыпать город хлопьями.

В такую замять мне мерещится
Кибитка и дорога дальняя,
На тёмном небе долька месяца
И что-то милое и давнее.

Я не отражение твое...

Вера АКСЁНОВА,
п. Сибирцево,
Приморский край.

Королева

Все женщины немного королевы –
Кто с королём,

а кто – без короля.
Она была застенчивой, но смелой.
Она сумела всё начать с нуля.

И вышла в мир
доверчиво и просто,
Не убоялась горестных потерь.
Она нашла обетованный остров,
Нашла себя –
и... счастлива теперь.

Да, счастлива. Хотя и одинока.
Хотя король... Он вовсе не король.
Она страдает, и порой жестоко.
Но ей нужна – нужна такая роль.

Судьба ей подарила
мир чудесный –
Желаний, чувств,
надежд и волшебства...
И пусть грустна мелодия у песни,
Но в ней такие светлые слова!

* * *

Так не бывает.
Так не бывает...
Так не бывает!

После разлуки –
Встреча. И вот я
Снова живая.

Звёздная песня.
Прикосновенье.
Взлёт и паденье.

Где же усталость?
Где равнодушие?
Где сожаленье?

Вновь не взаимно.
Впрок не пошли мне
Жизни уроки.

Колотой льдиной –
Взгляд твой предзимний,
И одинокий.

Я успокою.
Я отогрею.
Дам тебе силы.

Снова тобою
Переболею,
Странник мой милый.

Всё одолею.
Что мне проблемы?
Что мне преграды?

Не оробею
Перед дилеммой:
Рада – не рада?

Трудно ль ответить? –
Счастлива встретить
Душу живую!

Снова страдаю.
Значит, на свете
Снова живу я!

* * *

Свое лицо терять я не хочу,
Хотя люблю до умопомрачения.
Сама себя сжигаю, как свечу,
И не боюсь горячего свеченья.

Но, не желая самоотречения,
Я всё же отрекаюсь от себя,
Когда, страдая, мучаясь, любя,
Живу тобой и только для тебя.

* * *

Я не отражение твоё,
Не твоих творений продолжение.
Я не чей-то сон, не забытьё,
Не абстрактной истине служение.

Я сама загадка для себя
И во мне сокрыта вся вселенная.
Потому что я люблю тебя,
И любовь моя –
любовь нетленная.

* * *

Пылало небо тысячами молний,
Горячий воздух обжигал глаза.
Я всё почти забыла.

Только помню
Мгновенье: в свете молнии –
слеза,

Твоя слеза, что дорогого стоит...
Раскаты грома зрели вдалеке.
Шутил, смеялся, говорил пустое –

О том, что жить желаешь
налегке,
Не создан для семейного уюта,
И на меня обиды вовсе нет...

Но та слеза украдкой почему-то
Мне не даёт покоя много лет.

И, если сон не сходит на ресницы
И назревает в воздухе гроза,
Мне наяву
твой тихий голос снится
И эта потаённая слеза.

* * *

Впускаю радость в жизнь свою
С весёлым утренним лучом.
Сама себе любовь дарю
И не жалею ни о чём.
Я нелюбима? Ну так что ж?
Зато моя любовь светла.
И зимний вечер так хорош!
Как будто вишня расцвела,
И хлопья белых лепестков
Упали на холодный снег...
И снова дышится легко.
И вновь летаю я во сне.

* * *

Причинно-следственные связи
Не стоит путать.
Зачем в божественном экстазе
Мы лжём кому-то?

Не надо горьких объяснений
И светлой грусти.
Избавлю сердце от сомнений –
И боль отпустит.

Взорвётся полночь звездопадом,
Немым оркестром...
Мне ничего уже не надо
От вас, маэстро.

* * *

Попрошу у весны
чистоту и безбрежность,

А у лета возьму
огневую зарю.

Осень даст мне сама
золотистую нежность.

Соберу всё в букет
и тебе подарю.

Тишина в парке

Виктор ДЕБЕЛОВ,
г. Арсеньев,
Приморский край.

Журналист. Живет и работает в Арсеньеве.

Печатался в ряде журналов и газет Дальнего Востока. Автор стихотворного сборника «Я сердца своего не остудил», а также книги прозы «Высота». Готовит к изданию новый поэтический сборник «Любовь и эпоха».

Март

Весна своим кошачьим шагом
Неспешно по земле пошла.
Уходит март с колющим снегом,
Не оставляя нам тепла.
Еще апрель нам только снится,
Под белой простынью поля,
И месяц зябко серебрится –
Да, холодов еще сполна.
Но проблеск солнца обещает
Теплом природу всю обнять.
Уходит март, не попрощавшись,
Не оглянувшись на меня.

Река бежит

Холмами, по широкому раздолью,
Под перекатов шумный перезвон,
Бежит река
вдаль васильковым полем,
Спешит она умчаться за горизонт.
Вокруг пейзаж
в зеленых акварелях
И синева и речки, и небес,
И отдыхает, словно на постели,
На синеву прилегиший белый плес.
Но вдруг на всем бегу
река застыла
У горизонта, где шумят леса,
Как будто речка
что-то позабыла
И повернула медленно назад.
Мчит по Руси река потоком
вольным,
Творя себе по сердцу берега.
И на холсте –
на васильковом поле
Пейзажа украшение река.

Баллада о листе

Вновь осень зарядила на все сто,
Багряница в сентябре
уже довольно.
И по стволу спускается листок,
Он понимает: падать –
это больно.

И облака на небе все темней,
А значит, вновь дождем
прольется туча.

И кто-то загрустит не обо мне,
Но для меня, быть может,
это лучше.

Ведь я такой же, как и он, в душе:
Ранимый и боюсь до боли боли,
И понял я давным-давно уже –
Я тот же лист осенний и не боле.

И точно так однажды я сорвусь
И в мириаде закружу собратьев.
И это будет. Скоро. Ну и пусть.
Ведь по стволу нам не взойти
обратно...

Не плачьте

Когда придет мой скорбный час,
Родные, близкие, не плачьте,
Во глубине прощальных глаз
Слезу, пожалуйста, упрячьте.
Друзья, когда пред мной Аид
Свои раскроет настезь двери,
Не надо служб и панихид –
Я не особо в Бога верил.
И, может статься, неспроста
Не верил я в Его скрижали,
С того распятие Христа
На мне проклятием лежало.
И я был сотни раз распят –
Молвою, завистью людскою,
Но я своей Голгофе рад:
Я жил вне рая и покоя!
Я не был хриstopродавцом –
Не призовут меня к ответу.
Терпимым мужем и отцом
Однажды кану тихо в Лету.

Память

Снова небо осеннее
странно туманами хмурится,
и играют ветра
с рыжим, в темную дымку, огнем.
Рыжий дворник-октябрь
листья в кучу сгребает на улицах,
а потом их сожжет
и развеет как память
о лете – твоём и моем.

Но пройду я в наш парк –
и склонюсь над скамейкой
заветною,
Старый тополь, пожалуйста,
мне погрузит подмоги.
И увижу вдруг я
твою легкую тень незаметную,
и услышу на тропке,
как дивную музыку,
легкие эти шаги...

Рыжий дворник-октябрь,
не спеши управляться ты
метлами –
дай мне вволю пошляться
по желтой хрустящей листве.
Был богатым и я – на любовь,
а теперь вот,
с сумой переметною,
в этот парк прихожу
помолиться ушедшей тебе.

Мне оставила тебя осень

Вновь рыжее карусель сосен,
Жжет багровые костры осень...
И тогда огнями цвел вечер,
Точно так же листья мел ветер.

Точно так же – тишина в парке,
И один под рыжей я аркой.
Точно так же вот брела осень,
Только не было тебя вовсе.

Но ложились на траву росы,
Мне оставила тебя осень:
Ты пришла, спросила:
«Вам – плохо?»

Я ответил:
«Просто одиноко».

Вновь рыжее карусель сосен,
Жжет багровые костры осень...
И кричу я в глубь небес рыжих:
– Мне любовь твоя нужна,
слышишь!

Облака

Адела ВАСИЛОЙ,
г. Кишинёв, Молдавия.

СТИХАМИ ГОВОРЯТ

Родилась в селе Климэуць, на Днестре, в учительской семье. Училась на факультете математики и кибернетики, окончила аспирантуру при Кишиневском госуниверситете по специальности «Функциональный анализ».

Стихи начала писать в детстве. Первая публикация состоялась в 1989 году в еженедельнике Союза писателей Молдовы «Литература и искусство». Автор шести книг: «Жажда жизни» (венок сонетов), «Ужасный дар» (стихи и философские эссе), «Светлячки» (детские стихи), «Шах самозванцу» (афоризмы, притчи, юмористические стихи), «Симметрия – это гармония мира» (пособие для школьных кружков по ее компьютерной графике), «Дунгуца» (рассказ для детей). Активно публикуется в Интернете.

Навсегда

Ухожу от тебя
навсегда,
маняты вдаль
горизонты с рассветами.
Пусть тебя не коснется беда
ни дождем,
ни метелью,
ни ветрами.

Ухожу от тебя,
как изгой,
попрошайкой
смирненно-униженным...

Я уверен,
не скажешь: "Постой!"
глядя вслед
по-ребячьи обиженно.

Нет любви?
Что же делать? Прощай!
Ухожу я
тоскливо-немолодо,
покидаю осенний твой рай,
где цветет
хризантемное золото.

Пасьянс

Скользнет виденье
по твоим ресницам,
Когда уснешь, со мною рядом.
Пусть...
Ты спи — руки нечаянно коснись,
И пальцы в неге
поспешат обвиться
Вокруг запястья,
змейкою прохладной,
Кольнув предчувствием,
моя отрада...
Нет-нет, ты спи...
Я нежности полна
И тихой радости,
что здесь, со мной,

Принц юных грез...
чуть тронут сединой...
Накал страстей... ударная волна
Нас кинула в заоблачные выси
Стремительностью
грациозной рыси...

Пасьянс из слов
неслышно разложу,
Пока ты спишь,
любовью утомлен...
И если вдруг да не сойдется он,
То я тебе об этом не скажу...
Достаточно мне знать –
ревнивый рок

Получит свой
губительный оброк...

Вечер у моря

Запах ночи в воздухе разлился
Пряною живицею Луны,
И бредёт сороконожка пирса
В лёгкий холодок морской волны.

Гальку слов роняя в русло мыслей,
Отвечаю милой невпопад –
Слушаю, как из небесных высей
Облака стихами говорят.

А краюха солнца на закате,
Словно с пылу, с жару, горяча...
Абрис пальмы вдалеке лохматей,
Чем головка милой у плеча...

Горькое сердце

Сердце, выплаканы очи,
Успокоиться не хочешь,
Горше жёлчи и полыни
Душу рвёшь тоской-уныньем.

Сердце, чёрное от боли,
Снова просишься на волю,
Мне бы птичкой голубую
В небо полететь с тобою...

Если счастье улыбнётся –
Что посеешь, то пожнётся...
Я же сею рожь-гречиху,
Пожинаю боль да лихо.

Чья удача посмелее,
Что посадит, то поспеет,
Я сажаю в ряд малину –
Собираю боль-кручину.

Сердце, хрупкое от горя,
Через горы, через море
Мне бы полететь с тобою,
За разлучницей-судьбою...

Весна

Весна волной
Взлетает
Вверх и ввысь,
Ввергая всех
В весенние волненья –
Воробышком
Вихрастенки
Вернись,
В вороньи
Внесезонные
Владенья...
Впитай восторг
И вдохновенья вал,
Вогнав вовнутрь
Волишебной взвесью, в вены,
Вдохни вина
И выдохни: Виват!
Всесильна власть
Весны.
Вот ветвь вербены
Внезапно
Встрепенулась...
Взорвалась
В водовороте
Вскриков и веселья –
Вскипает
Вновь
Весенняя возня,
Воскреснув
Вербной верой в вознесенье!

Осенний постоялец

Олег ГОРШКОВ,
г. Ярославль.

Олег Горшков родился в Ярославле, в 1964 году, где поныне и живёт. В 1986 году окончил юридический факультет Ярославского государственного университета, в котором после окончания учебы несколько лет занимался наукой и преподавательской деятельностью.

С 1992 года занимается исключительно адвокатской практикой.

Автор трех книг стихотворений – «Антивремя существования» (2000), «Размытая архитектура» (2002), «Глагол одиночества» (2007).

Публиковался в журналах «Новый берег», «Сетевая поэзия», «Родомысл», Радуга», «Русский путь», коллективных сборниках, альманахах и антологиях, выходивших в России, Украине, США.

Финалист поэтического конкурса «Заблудившийся Трамвай» им. Гумилева 2004 и 2007 годов, лауреат поэтического фестиваля, проводившегося в рамках 67-го Всемирного конгресса международного ПЭН клуба (2000г.), ряда других всероссийских и международных конкурсов.

Предместье

Состарили бореи, заострили
щербатый лик предместья
на реке.
Скребется жук
тяжелой индустрии
в безбожно обветшавшем коробке
глухого городка, где горклой речи
и времени карболовый раствор
вселенную развел – от чебуречной
до черепичной церковки, от гор
промышленного хлама до убогих,
немых равнин раскисших
пустырей –
здесь сумрачное alter ego Бога
в природе ощущаешь всё острее.
И, кажется, что так верней
и проще
принять и объяснить
свой непокой,
сродниться с ним,
но что-то смутно ропщет
в пейзаже городка наперекор
бореям, речи, времени, рогожным
их сплетням,
непреложным правдам их...
И жизнь бежит мурашками
по коже,
и Бог путей не ведает земных.

Deus ex machina

...И тогда померещится жизнь,
но уже
это будет иной инфантерии
лагерь –
без исчисливших альфы с омегами
алгебр
и бессонных себе самому сторожей;
это будет иной –
невозвратный – поход
по лазейкам змеистых,
замедленных улиц –
где бредут пехотинцы,
от ветра сутулясь,

будто бредя об участии
прежних пехот –
безымянных, безвестно
пропавших; и там,
где зима небывало
тончайшей настройкой
всех своих духовых,
выдыхающих сроки
и времен несмолкаемый
трам-тара-рам,
обещает сыграть,
наконец, тишину,
там, конечно, иная война
приключится,
и почувствуешь холод колючий
в ключицах,
и нельзя проиграть будет
эту войну,
как нельзя победить в ней,
добравшись до дна
тишины, неизвестной тоски,
снегопада
и внезапного Бога... нельзя
и не надо...
и мерещатся – Бог, снегопад,
тишина...

Осенний постоялец

Вот доживет до снега и уйдет
безмолвный постоялец
мой осенний.
Стерпеться нелегко с ним –
он рассеян,
почти всегда нетрезв;
из года в год
по осени снимает угол он,
чтоб ворошить
в каминной топке – угли,
в себе – сомненья,
день за днем по кругу,
им несть числа, их имя легион...
И кажется, что дела до него
нет никому в кромешной ойкумене
немых богов
в двенадцатом колене...

он, впрочем, сам – вино, зола, огонь,
еще огонь, еще зола, вино,
весь этот круг
пожизненно печальный –
такой же – он шкатулка
умолчаний,
коробка с тьмой, её второе дно...
И всё ж, когда уйдет он – нелюдим,
но светел – в снегопад,
что сплит веки,
по дому только призрак человека
скитаться станет
с именем моим...

Это в дверях Бог

И кто-то почувствовал –
это в дверях Бог.
Он выдохнул небо –
ах, как запахло зимой
и крымским крепленным!
Он хочет застать врасплох
женщину и младенца –
себя, себя самого.
Бог долго звенит ключами
от всех замков
и тайн мирозданья –
от всяческих мелочей,
еще от почтового ящика –
он таков,
никогда не находит гвоздика
для ключей.
у него в кармане заначка –
пригоршня звезд,
папиросы с туманом,
какая-то сумма в рэ,
нездешняя музыка...
Бог, видно, слишком прост –
безделушки в кармане
сползают к дыре, к дыре.
Но когда, отдышавшись и сбросив
пальто на пол,
он всё же решит обнаружить
себя здесь, то,
смутившись, вдруг скажет:
вот черт, не туда пришел...
и навсегда растает,
забыв пальто...

Нет резона играть

Марина КНЯЗЕВА,
г. Харьков,
Украина.

Марина Александровна живёт в городе Харькове, первой столице Украины. В настоящее время изучает издательское дело в Харьковской государственной академии культуры на заочном отделении. Любит свою семью, кошек, японскую культуру, американский блюз. Свободное от учёбы время посвящает работе в издательской сфере и написанию стихов и прозы. Марина Князева публикует свои работы в сети Интернет на различных сайтах, иногда используя псевдоним Марина Смерека.

Стихи пишет с 2002 года, но серьёзно относиться к поэзии начала в 2006. Её «идейные вдохновители» – поэты Серебряного века (Гумилёв, Мандельштам, Кузмин), Марина Цветаева, а также современницы – Светлана Ширанкова, Вера Полозкова.

Ты любила меня

Невозможность простить
наступает на пятки.
Я брежу за ветрами
которую люблю.
Нет резона играть
в догонялки и прятки,
ты любила меня
недостаточно сильно.
Destination unknown.
Замедленность пульса.
Переждать на зелёный,
рвануться на красный.
Я живой, ничего.
Только ты не волнуйся:
ты любила меня
недостаточно страстно.
Выдыхаю огонь,
вспоминаю столицу.
Осень тянет-потянет,
как в сказке про репку.
Не читай мой дневник
до последней страницы –
ты любила меня
недостаточно крепко.
Я не жду у дверей,
я не плачусь в жилетку,
я не верю в чужое
«Всё будет в порядке».
Пей до дна одиночество,
глупая детка,
ты любила меня
недостаточно сладко.
У меня в мозжечке
безобразные рифмы,
у тебя на подкорке –
дизель, бемоли.
Наш корабль разбивается –
снова – о рифы.
Ты любила меня
недостаточно больно...

Конопляный мёд

*Saving people, hunting things!
Family business!*
(c) Dean Winchester of 'Supernatural'
Кто поёт с душой моей в унисон?
У меня под осень некрепок сон,
у меня не кровь – конопляный мёд.
По крупницам кто меня разберёт?
Кто отдаст мне долг
и меня предаст?
Отряхнуть бы с крыльев
вонючий дуст,
заблудиться вновь
в паутине трасс,
эй, кого сегодня я не дождусь?
И заряжен ствол,
и в мешочке соль.
Кто ведёт машину, пока я сплю?
Выбирать из двух бестолковых зол
надоело, ставлю обоим «плюс».
Кто за пиво платит, а кто дурак,
кто снимает баб,
кто спешит домой...
У меня под сердцем –
отдам за так –
два кольца, на каждом
стоит клеймо.
За рекою – берег,
под мышкой ртуть.
Потерпи, осталось
совсем чуть-чуть.
Кто одним смешком
отведёт беду?
Если это ты – приходи. Я жду.

Неприкасаемый

Не касайся, не то я заплачу,
сорвусь, взорвусь,
пробегу по перрону в истерике,
спрыгну под.
Сколько сот поцелуев
сорвано с тёмных уст –
столько тысяч грехов
отпустит тебе Господь.
Ежевичный забытый привкус
заклеит рот...
На ладонях опять
проступают слова-ключи.
Сколько сказок не нами
рассказано было про
неразменность рублей и истин –
о нет, молчи.
Улыбайся, заря уже близко,
а с ней и сон.
По постели разбросаны
розы и якоря.
Разве это для нашей легенды
хороший фон?
Впрочем, что ещё взять
с перелётного октября.
Тётка-память блюдёт
отчаянный целибат:
всё, что было – по полкам,
что будет – да хрен бы с ним.
А летучие мыши уже заснули
в своих гробах
ради чьих-то ещё
не сыгранных пантомим.
На запястье браслет
тяжелей трёх пудовых гирь.
Сквозняки нынче агрессивные –
дыбом шерсть.
Я наёмник,
сложивший башку за твои долги,
твой любовник с порядковым
номером шесть-шесть-шесть.

САД ОПЬЯНЕЛ ОТ ВИШНЁВОЙ ПУРГИ

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В 2009 году «ЛитМ» открывает новую рубрику «По страницам литературных изданий».

В январском номере мы решили перепечатать подборку стихотворений Владимира Тыцких из «Литературной газеты» (2008, № 41, с. 1, 7). Дополнительным поводом для этого послужили просьбы наших подписчиков. «Литгазету», в былые времена доступную для всех жителей большой страны, сегодня можно отыскать далеко не в каждой библиотеке.

* * *

Казалось, осталось недолго –
Вот-вот мы сдадимся в полон:
За нами горящая Волга,
Последний окоп и патрон.

Нас в черную землю зарыли.
Был горек Отечества дым.
Но мы все равно победили.
И снова, даст Бог, победим.

* * *

О как легко мне, не зная заранее
Всё, что написано мне на роду,
Вам, незнакомка,
назначить свидание
В полузабытом каком-то году.

Вы только мамой пока что
целованы.
Я приглашу вас на танец сейчас.
Вы не скрывайте,
что сильно взволнованы, –
Я, может стать, я,
взволнованней вас.

Ну до чего эта музыка нежная!
Я вас, наверно, совсем закружу
И после танцев по городу
снежному,
Если позволите, вас провожу.

Вы ничего в этой жизни
не знаете.
Я вдохновенно несу чепуху.
Вы откровенно уже замерзаете
В тесном пальтишке
на рыбьем меху.

Но почему мы такие несмелые?!
Мой одинокий протянется след
С места прощания
тропкою белую
И затеряется в замети лет...

О как легко мне, не зная заранее
Всё, что написано мне на роду,
Вам, дорогая, назначить свидание
В неповторимо счастливом году!

НОЧНОЙ ПЕРЕГОН

Мои поезда бессонные –
Давно уже счёт потерян им:
За скрывшимися вагонами
Осела пыль и развеян дым.

Но справа скала отвесная,
А слева трава до пояса:
Опять колея кромешная
Летит под колёса поезда.

Он просто какой-то бешенный!
Стоп-краны у ночи сорваны,
И с грохотом тьма железная
На все раскатилась стороны.

Гляжу сквозь стекло калёное:
Ни зги не видать за шторами,
Лишь гуще мрак меж зелёными
Да красными семафорами.

Я путник не привередливый,
Мне б только – без опоздания.
Надежда моя последняя –
Одно твоё ожидание.

Родная, моя ты нежная!
Мчит время,
а тьма не движется.
Мы словно ещё и не жили,
А вечная даль всё ближе к нам.

Нет сна, есть разлука чёрная,
Хоть глаз коли – не видать огня!
Всё принимаю покорно я,
Пока ты помнишь и ждёшь меня.

И ночь, в одинокой слепой борьбе
С предусмотренными
пространствами
Вдруг опротивев сама себе,
Сойдёт на безлюдной станции.

* * *

Позовите, друзья;
отпустите, враги,
На свиданье с далёкой весною,
Где мой сад опьянел
от вишнёвой пурги,
Что следы замечает за мною.

Отпустите, враги;
позовите, друзья,
Посидеть у костра до рассвета
И босым побродить
по зелёным полям
Хоть по самому краешку лета.

Не держите меня,
проводите меня
В пробежавшую рыжую осень,
Где за сонным окном
у косога плетня
Старый клён ещё листьев
не сбросил.

Обнимите легко, соберите скорей
В путь-дорогу
под стынущим небом, –
Я пойду, пока солнышко
светит над ней
И её не засыпало снегом.

Пожалейте, враги;
не щадите, друзья, –
Погрустим о плохом и хорошем.
Я вдохну свежесть снега
и спелость дождя,
В речку камешек с берега брошу.

Не горюйте, друзья.
Не скучайте, враги.
И пока ещё падает камень,
Не пройдут по забывчивой Лете
круги
И ничто не забудется нами.

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск.

Редкое явление

Много лет тому назад я присутствовал на городском конкурсе учителей физкультуры «Учитель года». Уже показавшие себя во владении своим основным делом педагоги рассказывали о своих увлечениях в свободное время.

Так вот, один из них, добрый малый, сказал, что очень любит поэзию, особенно стихи Пушкина. Рассказал немного о своём любимом поэте, сказав, что все свои лучшие лирические стихи он посвятил своей жене. И начал читать: «Я помню чудное мгновенье».

Многие снисходительно улыбались, но я подумал, может, перед нами идеальный муж, больше всего на свете любящий свою жену? Может, он не представляет себе, что любовные стихи можно посвящать не жене? Скорей всего так и есть. На сцене стоял примерный муж, более редкое явление, более ценное, чем знаток литературы.

Пророк

Мы кончали школу и чувствовали себя вполне взрослыми людьми. Настолько, что не считали обязательным выполнять школьные правила. Одно из них обязывало нас носить короткую стрижку, а в моде, как раз, были длинные волосы «под битлов». Война между учителями и родителями, с одной стороны, и между нами, с другой, была нешуточная. И тем, и другим эта проблема казалась исключительно важной и при каждом поводе обсуждалась.

Однажды, когда мы были в гостях у Вовки, его бабушка сделала ему какое-то замечание. Слово за слово, и разговор перекинулся на наш внешний вид, в том числе причёски.

– Но ведь Карл Маркс тоже носил длинные волосы, – привел я «убийственный» аргумент.

– Так он же пророк! – ответила бабушка.

Подписка-2009

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с ЛЮБОГО месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу: 692342, Приморский край, г.Арсеньев-12, а/я 16. Костылеву Владимиру Александровичу.

1 месяц — 40 рублей,
2 месяца — 75 рублей,
3 месяца — 110 рублей,

6 месяцев — 180 рублей,
1 год — 360 рублей.

ВНИМАНИЕ!

Редколлегия «Литературного меридиана» объявляет о проведении литературно-художественного конкурса, посвящённого Победе над фашизмом в 1945 году.

На конкурс принимаются поэтические, прозаические, публицистические произведения, а также фотографии, посвящённые участникам и событиям Великой Отечественной войны. Авторские работы высылаются по адресу нашего издания с пометкой на конверте «НА КОНКУРС».

Конкурс проводится с февраля по май 2009 года. Лучшие произведения будут опубликованы в майском номере «ЛитМ». Подведение итогов и награждение победителей состоится в июне 2009 г.

СКОРБИМ

В начале декабря 2008 года в редколлегию «Литературного меридиана» пришло скорбное известие о смерти нашего постоянного автора Владимира ЧУМАКА из города Уссурийска. А спустя несколько дней – о смерти Валентины СТЕШКОВОЙ (г. Уссурийск).

Редколлегия и подписчики выражают соболезнования родным и близким покойных.

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185
E-mail: Lm-red@mail.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ:

КОСТЫЛЕВ Владимир Александрович.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:

коллектив редколлегии.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КОСТЫЛЕВ Владимир Александрович,
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЭЗИИ

БОГДАНОВ Геннадий Валентинович,
г. Хабаровск.

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПРОЗЫ

КАРЛИН Алексей Юрьевич,
г. Хабаровск.

РЕДАКТОР-ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

КОПЫТОВ Олег Николаевич,
г. Хабаровск.

ЗАВ. ОТДЕЛОМ КНИГОИЗДАНИЯ

КОНЧАТНЫЙ Иван Васильевич,
г. Арсеньев Приморского края.

- Любая перепечатка возможна только с письменного согласия правообладателя.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 999 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 21 декабря в 19-00.